

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a medieval town square. In the center, a man in a brown tunic stands on a wooden gallows, his hands cuffed behind his back. He is surrounded by a crowd of people, some of whom are holding up flaming torches. In the background, there are wooden buildings and a cloudy sky with birds flying. The overall tone is somber and dramatic.

ЖЕСТОКИЕ ЗЕМЛИ

ИСПОРЧЕННЫЕ СКАЗАНИЯ

БРЕМЯ РАЗДОРА

Ксен
КРАС

Жестокие земли

Ксен Крас

**Испорченные сказания.
Том 2. Бремя раздора**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крас К.

Испорченные сказания. Том 2. Бремя раздора / К. Крас —
«Эксмо», 2021 — (Жестокие земли)

ISBN 978-5-04-157942-5

Смута, бунты и междоусобицы в Ферстленде не утихают. Пусть до поры принц остается неприкосновенен, а трон – незыблем, над королевством сгущаются тени далекого прошлого. То, что считалось лишь глупой сказкой, начало сбываться, но лорды предпочитают не замечать этого, потакая своим прихотям. Давние договоренности, привычные союзы и старые традиции теряют свою силу и забываются. В борьбе за власть, ради выгоды или отмщения врагам кровные узы более не имеют значения, и это только усиливает разброд. Зараза древнего культа, набирающая мощь благодаря поддержке влиятельных союзников, уже достигла Новых Земель. Культисты не ведают жалости, вынуждая ведомых духами жителей свободных земель вмешаться в судьбу королевства. А тем временем каждый неверный шаг лишь отягощает мир бременем раздора. Продолжение драматического цикла «Испорченные сказания», второй том.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157942-5

© Крас К., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Зейир	6
Раял	12
Рирз	17
Вихт	23
Зейир	29
Клейс	34
Верд	39
Раял	44
Рогор	52
Цом	57
Рирз	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ксен Крас

Испорченные сказания

Том 2

Бремя раздора

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Крас К., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Зейир

– Милорд Зейир Флейм.

На пути стоял рослый, жилистый рыцарь с изуродованным шрамами лицом. Он, насколько помнил Зейир, отправился вместе с лордом Муртоном Бладсвордом, когда тот покинул Санфелл.

Оруженосцы бывают чрезвычайно привязчивы. Может, именно потому милорд Муртон решил отправить своего бывшего ученика на войну? Немного хваленной бладсвордовской удачи – и мужчина бы не вернулся домой.

Но сир оказался живуч. А жаль.

Лорд Флейм никакими словами не мог передать, насколько сильно был недоволен тем, что ему помешали.

Второго сына Боуэна Флейма не менее огорчало и то, что сдвинуть глыбу-рыцаря он был не в состоянии. Пусть Зейир и ругал Дарона за внушительное пузо, и хвастал, что не позволяет себе выглядеть плохо, однако доспехи, что еще десяток лет назад смотрелись на нем прекрасно, уже были малы, а потная рубаха неприятно прилипла к телу и терлась об отросший живот. Брат главы рода Флеймов был невысоким, и хотя и предпочитал называть себя широкоплечим и крепким, но рядом с большинством рыцарей выглядел скорее рыхлым, чем плотным, и это его злило.

Да, он смотрелся куда более привлекательно, чем Дарон, что ныне сидел на троне в землях их рода, однако недостаточно. Светлые волосы, собранные в хвост, были его гордостью – в отличие от шевелюр других братьев они не были жидкими; однако светлые брови и ресницы, что в юности, как думалось лорду, привлекали дев, ныне на светлой коже, что часто краснела в приступах гнева, не добавляли красоты.

Бывший глава рода, Боуэн Флейм, к моменту своей кончины был столь объемным, что, когда его тело подняли в первый раз, чтобы отнести к алтарям, деревянный трон не выдержал внушительной массы, и лорд упал на землю. Тогда его второй жене, Циссе Флейм, матери их с Дароном единокровного брата Крэйда, сделалось плохо – леди долго приходила в себя и через сезон была отправлена на Остров Фейт. Жива она сейчас или нет – Зейир не знал, да и это его мало интересовало.

В тот день глупая женщина решила, что боги разгневались на ее мужа и даже не позволяют ему достойно отправиться в иной мир. Разумеется, второй трон нашли довольно быстро, два плотника набили на него еще один слой досок и добавили дополнительные, чтобы несли лорда не четверо, а шестеро слуг. В остальном церемония прошла успешно, а первого, кто захотел поговорить о случившемся, казнили, и слухи более не расползались.

Дарон полностью пошел в отца, а для Зейира это стало уроком. Более всего он не хотел слышать под старость шуток про себя и еще меньше хотел, чтобы его дети краснели при схожих обстоятельствах. Несмотря на то что покойный уделял почти все свое время только наследнику, Зейир любил отца и страдал без его внимания. Из любви к родителю, да и чтобы самому предстать в лучшем свете, лорд Флейм нашел художников и щедро заплатил им, заказав перерисовать портреты покойного, придав ему более могучую и привлекательную внешность. Естественно, таким же образом переделали все портреты и самого Зейира. Один из художников до сих пор жил в замке лорда, и лишь ему средний сын Боуэна доверял увековечивать себя.

– Милорд, вы вернулись! Я уж подумал, что вы...

Зейир стиснул кулаки.

– Полно, сир Триус! Я не юная леди, чтобы падать в обморок и позволять себя растерзать.

– Я рад, что вы здесь. Милорд... Что это... Объясните мне, что мы видели там, за стенами!

– Доказательство того, что Глейгримы прокляты, душевнобольные и не имеют права на существование. Разве это не очевидно?

– Это были мертвые! Один из тех, кто встал и поднял оружие против нас, когда-то был моим другом и... Я видел, как стрелы пронзили его тело, как одна из них вонзилась ему в сердце и он упал замертво. Я не мог оплакать его тогда, но когда он восстал... Я не поверил своим глазам!

Неужто подобные люди в самом деле становятся рыцарями? Жалкие трусы, слабаки, слюнтяи! Да любой крестьянин на их месте скорее бы схватился за вилы да дубину и начал бы защищать себя и свою семью, а эти... Что за прославленные воины трясутся перед тем, что отличается от их привычного видения мира? Подумаешь, мертвые товарищи вновь встали и пошли против него!

– Не вижу причин поражаться увиденному, сир. Про нашего общего врага ходит множество слухов – они поедают плоть, оживляют мертвецов и принимают ванны из крови детей. Пять поколений назад, если вы помните, Экрог Глейгрим был пойман в ванной, наполненной кровью. И, судя по тому, что я успел узнать о нем из летописей, разменявший четвертый десяток мужчина выглядел словно молодой юноша. Ему не давали более двадцати. Вполне несложно предположить, что если один слух оказался правдив, то и другие могут.

– И вы ничуть не испугались восставших мертвых?

Лорд Флейм, что проявил себя как герой, взял Кеирнхелл вопреки появлению Раяла Глейгрима и сумел договориться с Бладсвордами, продумав прекрасный способ уничтожить врага, пусть и не сработавший как задумывалось, горделиво выпрямился.

– Нет. Ни на минуту.

Лорд соврал и даже жестом не выдал себя – вероятно, потому, что беседующий с ним рыцарь был слишком впечатлен случившимся на поле боя и не замечал ничего дальше собственного носа.

На деле же Зейир перепугался не меньше, а то и больше сира. Он был готов обмочить штаны, когда увидел мертвецов. Но это было тогда, и никто не мог обвинить лорда Флейма в трусости, никто не видел его, потому как каждый был занят борьбой со своим собственным страхом. Теперь же Зейир был уверен – это было лишь некоторым замешательством и храбрее его в мире нет человека.

Тогда, завидев, как недавно убитые встают, подбирают свое или чужое оружие и начинают наступать на них, лорд застыл на месте, будто мраморная статуя. Ни одно из чудовищ не могли остановить и два десятка стрел. Мертвецов рубили мечами, но они шли дальше. Их протыкали копьями, а они все шли.

Первые ряды воинов начали продираться через своих же союзников, чтобы оказаться как можно дальше от исполнившихся кошмаров из детских сказок. Паника охватила все войско, люди бросались прочь, и быстрее всех бежал сам лорд Флейм. Он бросил своих людей самостоятельно разбираться с созданиями потомка Проклятого короля и покинул строй. Он и часть его свиты бежали прочь.

Зейир видел, куда отступает Раял со своими людьми, и мог бы атаковать его – лорд еле держался на коне, на глазах Флейма кто-то из сиров его врага перетащил ослабленного правителя на свою лошадь и поспешно направился на север. Да, Зейир мог напасть, тем более когда Глейгрим был ранен и ничего не соображал, но ужас от встречи с детскими страшилками сковал его, и он поспешил убраться в противоположную сторону.

Стыдно признаться, но он вернулся обратно не раньше чем через сутки. Разумеется, тогда он сказал, что преследовал Глейгрима, но не смог добраться до него, и Зейиру поверили. Или предпочли сделать вид, что все было именно так. Его отряды говорили то же самое – никто не хотел прослыть трусом и тем более опорочить честь милорда, а после быть повешенным в назидание.

Прибыв этим утром, Зейир успел узнать, что стоило только войску проклятого лорда отдалиться на несколько миль, как мертвецы вновь упали на землю и более не вставали. Около трети народа Глейгрима осталось лежать у стен крепости, и если сначала Зейир планировал, что раненные станут пленниками, разумеется, те, чье лечение не потребует больших затрат, то после инцидента с восставшими Бладсворды и Флеймы единогласно приняли решение добывать всех, кого только смогут найти. Опасаясь повторения атаки мертвецов, десятки мужчин вызвались рыть могилы. В ближайший город на территории Флеймов отправили посыльного, чтобы тот привез жреца, который смог бы очистить оскверненное место.

Армии двух лордов-союзников также понесли убытки – но вражеское войско и мертвецы были повинны далеко не во всех смертях. Менее трети было убито из-за привычных на поле боя обстоятельств. Значительная часть людей, что служили обеим Великим Династиям, погибла из-за давки – перепугавшись за свои жизни, они рубили и толкали друг друга, топчась по упавшим.

Зейир и сам, кажется, задавил своим Пламенным с десятков солдат и разрубил кого-то, прокладывая путь на волю. Радовало, что в суматохе, творившейся во время осады и сражения, никто не видел позора брата Дарона Флейма.

– Вы очень храбры, милорд, – вежливо и без тени издевки произнес командующий Мортон Бладсворда.

– Благодарю. Вы тоже держались более чем достойно. Вскоре придет богослужитель, и нам не придется более опасаться подобных... инцидентов, не так ли? Проклятый вражеский род не сможет больше проводить свои темные ритуалы на этой земле.

– Надеюсь, что вы правы, милорд.

– Я много узнавал о врагах моего рода, сир Триус, даже то, что другие считали мифом. Я предпочитаю быть подготовленным. – Он вновь соврал. Дарон и впрямь пытался разузнать про Раяла, Хагсона и всю их родню побольше, а Зейир считал это пустой тратой времени. Тетки, кузины и дальний родственник-бастард не помогут в войне, чем бы они ни занимались и где бы ни жили.

А уж в порожденные большими умами фантазии про все те ритуалы и магию, что якобы использовали потомки Проклятого короля, следуя оставленным предками пояснениям и советам, Зейир не верил и подавно. До этой битвы.

– Скажите мне, сир, – Зейир устал от темы беседы, она напоминала ему о его несовершенстве, – а этот ублюдок, брат Глейгрима, жив?

– О да, милорд. Он был ранен во время осады, но лекари подлатали его. Он в камере.

– Великолепно!

Потомок Проклятого короля бежал, поджав хвост, и оставил своего братца на растерзание!

Младший брат правителя династии не мог и помыслить, насколько сладка может быть жажда мести. Все то время, пока Зейир искал способы, убеждал брата собрать людей, подгонял свою армию и договаривался с Бладсвордом, внезапно изъявившим желание помочь, его волновали исключительно насущные дела. Да, он горел желанием отомстить и, конечно же, делал все это исключительно ради своей дочери. Однако, как часто бывает, под конец пути он уже и позабыл о бедной Дарии и о том, что сотворил с ней Хагсон.

Зейир продолжал прикрываться ото всех благородством и желанием справедливости, но его охватили совсем иные чувства. Дочь словно стерлась из его мыслей, теперь он жаждал лишь схватить Хагсона Глейгрима и пытаться его, причинять ему боль и страдания за то, что он опозорил род Флеймов. Да и просто потому, что брату Дарона этого хотелось.

О, на самом деле он всегда мечтал об этом, но страх, что его не поймут, осудят и он понесет наказание, останавливал его.

И вот теперь Зейир стоял в захваченном замке – брат проклятого врага долго держал оборону, но лорд Флейм верил, что когда-нибудь тот сдастся. Побег Раяла лишь еще больше убедил людей Глейгримов в том, что лучше сложить оружие. Перейти на сторону победителя было разумнее, чем глупо умирать или гадать, переживут ли они следующий день.

– Надеюсь, теперь наш уговор в силе? Свою часть мы выполнили, милорд Флейм.

– Сир Триус, я бесконечно рад нашему взаимовыгодному сотрудничеству! Первую часть того, что милорд Бладсворд обещал мне, вы, безусловно, исполнили, и я всенепременно отправлю ему вореба с благодарностями. Но ныне я спешу.

– Неужто вам столь не терпится познакомиться с обидчиком леди Дарии?

– Разумеется, сир! Я ждал этого слишком долго, чтобы стерпеть еще хотя бы час.

– Мне казалось, милорд, что человек, способный прождать около двух сезонов, успевает остыть и понять, что мстить нужно холодно и расчетливо, чтобы вкусить удовольствие полностью. Что значит для прождавшего полгода час-другой?

– Вечность, сир. Для того, кто ждет и идет к цели, бежит к ней сломя голову, спит и видит сны только о том, как он добивается желаемого, а после, когда стоит сделать всего пару шагов и насладиться, его останавливают, то час, даже минута может показаться вечностью.

– Мне жаль, что я мешаю вам упиваться победой. Однако же, милорд, мне необходимо следовать указам моего правителя.

– И это не может подождать?

Дарон всегда называл своего брата нетерпеливым, вспыльчивым и капризным. Может, потому, что у того было свое мнение, он был способен постоять за себя и отстаивать свою точку зрения. Или потому, что, в отличие от Дарона, Зейир не успел пропить все свои лучшие годы, а амбиции не утолял бесконечными яствами.

Скорее всего, жена правителя Флейма, леди Лилан, была в большей степени виновата в произошедших с ее мужем изменениях. Зейир помнил еще те времена, когда старший брат строил огромное множество совершенно безумных планов – он то желал отправиться в Новые Земли, то кричал, что отвоюет свои владения у мерзких Глейгримов, то приударял за девушками. Но после свадьбы он стал совсем другим человеком – и даже любовницу, хоть ему и советовал Зейир, Дарон так и не завел. С каждым днем он все больше превращался в старого, трусливого, ворчливого и слабого старика. Дарон называл это мудростью, опытом и взрослением, но брат правителя понимал – тот сломался.

Дарон Флейм, некогда претендовавший на звание неплохого правителя, хорошего лорда и человека, что добивается желаемого, стал вялым, дряблым, трусливым и мягким. О, старший из братьев никогда не славился чрезмерной храбростью, и там, где Зейир не позволял себе и дрогнуть, нынешний правитель начинал трястись, жмуриться и пытаться убежать. Но окончательное падение наследника их отца было отмечено совершенно бессмысленным, неправильным, отвратительным поступком – решением пойти на поводу у Джура Глейгрима. Быть может, недруг-сосед завладел разумом Дарона?

Так или иначе, правитель Флеймов не стал советоваться с Зейиром, а заставил его отдать свою дочь Дарию Хагсону Глейгриму. Сколько бы ни было ссор и споров, сколько бы ни унижался брат перед правителем Династии, все оказалось зря. Его мнения не существовало для брата.

– Вы изъявили желание подождать с решением некоторых моментов до тех пор, пока люди моего правителя не покажут, на что способны, и не докажут своей преданности. Мы помогли вам взять крепость. Теперь наша преданность достаточно продемонстрирована?

– Да.

Скрипя зубами, победивший в этой битве лорд был вынужден согласиться.

– Быть может, мы проследуем в Малый зал?

– А здесь вам недостаточно места для разговора? – Зейир обвел рукой внутренний двор. Именно здесь, на полпути к камерам, Триус его и перехватил.

– Милорд, мне кажется или это пахнет безумием?

Лорд Флейм скривил лицо.

Ему не нравилось, когда говорили правду. Тем более напрямую. Зейир понимал, что для тех, кто не пережил подобного позора и не желает сжать в руках шею человека, что унизил целый род, некоторые поступки могут показать безумными. Быть может, даже среди людей Флейма были те, что называли его душевнобольным. За глаза, разумеется.

Но также он понимал и то, что Бладсворды главные союзники его рода в этой войне. Без их помощи, да еще и в свете удивительных способностей Проклятого короля, без сильной поддержки победы не одержать.

– Я всего лишь пошутил, сир. Уж больно серьезным вы выглядите.

– Надеюсь, это и правда шутка. – Триус выдавил из себя вежливую улыбку. Зейир мог поклясться, что это было для рыцаря сложнее, чем осознать реалистичность мертвецов. – Не думаю, что милорду Бладсворду понравился бы союзник-безумец.

– Пройдемте, сир. Надеюсь, из зала вынесли все тела...

Беседа, вопреки ожиданиям, заняла не один час и даже не два. К вечеру лорд Флейм и посланник Мортон пришли к соглашению. Мортон Бладсворд обещал, что поможет и с другими битвами, и давал слово, что пришлет столько воинов и командующих, сколько потребуется, чтобы вернуть своим союзникам их потерянные в прошлых войнах владения, захватить новые, а если Флеймы пожелают, то и уничтожить всех Глейгримов и стереть даже память о них.

И за свои услуги Мортон требовал совсем немного – так высказался Триус, – только лишь взять в жены дочь Дарона, Марлу Флейм.

Конечно же, как просил передать Зейиру Мортон, он бы с удовольствием взял в жены и Дарию, даже сейчас, после всех горестей, что ей пришлось пережить из-за Хагсона Глейгрима, будь она способной понести и родить здорового наследника. Однако теперь он – правитель Династии и, в отличие от своего племянника, прекрасно понимает, что должен найти себе леди, достойную сего положения. И Зейир понимал Мортон – окажи он кому-то столь значимую помощь в войне, он бы и сам требовал себе лучшую из партий. Даже если бы та дева была обещана другому, брата это бы не остановило.

Брейв Бладсворд, истинный и законный правитель Великой Династии, племянник Мортон, разочаровался в жизни и решил поискать счастья за пределами королевства. Поговаривали, что он отправился в морское путешествие, но не для того, чтобы покорять уже известные Новые Земли, а узнать, есть ли кроме них еще что-то.

Стоило только Брейву отправиться к королю, чтобы просить его разрешения покинуть Ферстленд, как новый лорд Кнайфхелла начал вести свою игру. След племянника еще не успел остыть, когда Флеймы получили от Бладсворда первое письмо о желании встретиться для переговоров.

Впрочем, у Зейира не было и малейшего желания жаловаться на подобное стечение обстоятельств. Пока Дарон размышлял, стоит ли соглашаться, и тянул время, с новым правителем востока связался Зейир, солгав, что действует от имени старшего брата. Он лично договорился обо всем, провел несколько переговоров и смог переманить на свою сторону ценного союзника. Более того, он подговорил Мортон к предательству Глейгримов, именно он надумил дядю Брейва отправиться к врагам, предложить помощь, а после уничтожить и армию неприятеля, и самого Раяла. Без главаря весь его народ – шайка ничего не понимающих, не умеющих постоять за себя голодранцев, что быстрее перегрызут горло друг другу, нежели Флеймам.

Зейир не рассчитывал, что Бладсворд согласится на подобное – верные подданные короля, благородные и чрезмерно правильные, были хорошими помощниками на войне, но никогда не были способны участвовать в заговорах. Вероятно, Мортон провел много времени в Санфелле и пропитался духом дворцовых интриг.

Поздним вечером, после окончания долгих совещаний и выяснений планов и бесконечных деталей выполнения обоюдного договора, освободившийся Зейир был настолько уставшим, что даже встречу с ненавистным Хагсоном Глейгримом отложил до утра.

Лорд Флейм проспал до середины дня, и его встретила очередная отвратительная новость – Дарон прислал к нему гонцов, и не просто пару-тройку, а три десятка. И все для того, чтобы сообщить, что расправу над Хагсоном устраивать нельзя, так как вражеское отродье представляет ценность и может оказаться полезным заложником, пока война не выиграна.

Старший брат впал в безумие, раз считал, что месть за унижение может подождать или и вовсе не состояться, а самолюбие Зейира и его право участвовать в принятии решения не имеют никакого значения.

– Это мой заложник! Я завоевал эту крепость! – Бравый захватчик Кеирнхелла не смог умирить свой гнев. Он кричал, брызжа слюной.

– Да, милорд. – Бьол, один из советников Дарона, частично поседевший мужчина, плотный, с внушительным животом и красной потной рожей, что грозилась лопнуть, когда он говорил, похоже, был главой этого стада болванов. – Но с помощью людей нашего правителя.

– Но это я нашел союзников, что помогли разбить Раяла Глейгрима!

– Да, милорд. Но только потому, что ваш брат – правитель Великой Династии. Другому лорду Бладсворды не предложили бы своей помощи.

– Да я бы легко справился и один!

– Разумеется, милорд, с людьми, что вам выделил ваш брат, вы бы и самостоятельно разбили войско противника, у которого не было преимуществ по месту расположения, а также, если я правильно узнал, чья армия насчитывала в два раза меньше воинов.

– Но кроме обычных солдат у этого лорда были и мертвецы! Он – Проклятый король! Они, мертвецы, поднялись посреди сражения и напали на моих людей! Но мы отбились, и все благодаря мне. Только мне!

– В самом деле? От вас ушло две трети армии врага тогда, когда он был окружен и его могли смести количеством. Флеймы и Бладсворды, объединившись, в более чем два с половиной раза превосходили армию милорда Глейгрима. Но вы позволили врагу не только уйти, но и забрать с собой значительную часть войска!

– Мертвецы нам помешали!

– Разумеется, милорд, – советник засмеялся, – именно мертвецы! Думаю, вашему брату понравится эта шутка.

– Вы обвиняете меня во лжи?!

– Ни в коем случае! Я лишь хочу сказать, что ваша встреча с мертвецами и ваши договоренности с лордом Мртоном Бладсвордом о заключении союза между ним и леди Марлой Флейм кажутся очень интересными милорду Дарону Флейму. Наш правитель...

– Ваш правитель.

– Наш. Вы являетесь его вассалом, милорд. Наш правитель очень ждет вас.

– Но мне сейчас не до того! И тот урод, что обидел мою дочь...

– Да, милорда Хагсона Глейгрима мы забираем в Файрфорт. И настоятельно советую вам, милорд, проследовать с нами. У нашего правителя к вам еще очень много вопросов...

Раял

Предательство Бладсвордов подкосило веру народа, но не смогло сломить самого лорда. Да, он оставил там, у стен замка, где прятался от смерти Хагсон Глейгрим, почти треть людей, что хотели отбить младшего из рода. Скорее всего, Раял потерял и брата.

Зейир Флейм, отец Дарии, что осаждал Кеирнхелл и вступил в сговор с лордом Мортонном, пожелает убить обидчика дочери, и Раял ничем не сможет помочь. Вассалы вскоре подойдут, войско пополнится новыми, свежими, еще не уставшими от битв людьми, но против союза двух родов этого слишком мало.

Однако могут помочь другие люди. Мертвые.

Всего полсотни мертвецов, что смог поднять лорд-правитель Глейгрим, позволили его подданным сбежать. Пятьдесят человек ввергли врагов в панику, вынудили атаковать своих же, чтобы сбежать как можно дальше. Представить, что произойдет, подними лорд сотни, а то и тысячи, было сложно. Но Раял верил, что справится, и это – его единственный шанс. Ничего другого ему не оставалось.

Его народ перешептывался, и правитель Глейгрим понимал их – легенды и глупые слухи стали правдой. Его боялись. Он бы и сам поседел от ужаса на их месте и потому никого не осуждал. Да и зачем?

Люди стали избегать его – попадаться на пути тому, кто поднимает мертвецов, не хотел никто. Правителя звали потомком Проклятого короля, весь его род обвиняли в темной магии, считали, что все представители Династии отлучены от Богов. Некоторые предпочли сбежать и переметнуться к Флеймам, некоторые пожелали уйти к Редглассам или на север и служить тем лордам, что были обычными смертными людьми.

Если Раял воплотит свое желание в жизнь, то не будет иметь значения, сколько живых бьется за него. Даже в последние годы, что считались лучшими и наименее кровопролитными, произошло столько смертей, что ряды войска достаточно пополнятся.

Но лорда Глейгрима волновал еще один вопрос – если сказки для детей про его род оказались правдой, быть может, он не единственный такой?

Про Флеймов, Старскаев, Бладсвордов, Форестов, про все древние семьи говорили много того, что не поддавалось никакому объяснению. Если задуматься над слухами, принять во внимание даже самые безумные предположения и освежить в памяти легенды, быть может, тогда и в самом деле можно будет получить представление о том, что ждет королевство?

Разумеется, в первую очередь Глейгрима интересовали Флеймы. Было важно закончить войну, пока она не перешла в массовую. Леди Эббиана не прекращала заваливать родственника письмами и желала присоединиться. Она не могла пойти против мужа и сердилась на него.

А Раял понимал, что лорд Холдбист прав. Разумеется, хотелось бы получить поддержку северян, однако, вступи они в войну теперь, все грозило превратиться в сражения большинства Династий, а быть может, и всех разом. И тогда в Ферстленде настали бы плохие времена.

Поэтому первым делом, вернувшись и еще толком не успев прийти в себя, правитель отправился к пленнику.

Верд Флейм, наследник рода, был ценным заложником. Кроме этого качества, он оказался еще и хорошим человеком. Раял начал вести свои беседы с сыном Дарона потому, что надеялся убедить его – они не враги и воевать им незачем. Он думал, что сумеет через молодого мужчину повлиять на правителя Флейма. Кроме того, было любопытно познакомиться с тем, кто в будущем станет главой соседних владений.

Со временем он понял, что Верд напоминает ему Хагсона, с одним различием, что влияло на все впечатление, – Флейм не был непроходимым и неизлечимым упрямым. Да, пленник был наглым, пожалуй, чрезмерно эмоциональным, даже истеричным, взрывным и капризным.

Лорд Верд поначалу утомлял, но после проявил и другие свои качества. Двадцатилетнему сыну противника, по мнению Раяла, не хватало цели жизни и родительского напутствия, гласящего, что, кроме желаний и развлечений, у наследника должны быть и обязанности.

Также лорду Флейму не хватало образованности – либо его плохо обучали, либо он сам не желал ничего учить. Он казался эгоистичным, а по первому впечатлению – еще и ведомым. Он имел свое мнение, но, что поражало Раяла, не стремился доказать его никому. Верд знал, что он делает, что думает, как относится к чему-либо, но ни разу не настаивал, не доказывал с пеной у рта, а предпочитал махнуть рукой и остаться при своем. Подобное поведение отличало его от большинства тех лордов, с которыми правитель имел удовольствие общаться на балах и пирах.

Совершенно отличный от самого Раяла, Верд походил на леди-мать Дейяру Глейгрим. Может быть, именно непохожесть противников и делала беседы увлекательными.

– Вы победили, милорд Раял?

Вместо приветствия Верд предпочел сразу перейти к делу, стоило врагу его семьи заявиться к нему в покои. Оно и понятно – он переживал за родню.

– Нет. Хорошего вечера, милорд Флейм.

– Снова Флейм? Если вы проиграли, но вы здесь, то вас отпустили?

– Не совсем. Мы бежали с поля боя.

– Как трусы? Не похоже на вас.

– Мне безгранично приятно слышать от вас столь лестные слова, однако позвольте поинтересоваться, когда вы...

– Опять вы, милорд Раял, меня утомляете! Ваша речь ужасно скучна! – Довольно быстро правитель привык, что пленник постоянно перебивает его, и понимал, что станет скучать по этому.

– ...когда вы успели узнать меня достаточно хорошо, чтобы не считать трусом?

– Я знаю одного труса очень хорошо, чтобы понимать, похожи вы на него или нет.

– И кого же?

Верд замолчал. Он ковырял щепкой под ногтями, вычищая из-под них грязь, и, судя по тому, как напрягались мышцы его лица, думал. Хозяин замка не мешал и терпеливо ждал, пока лорд Флейм найдет что ответить, или, как нередко бывало, перескочит на другую тему.

– Себя.

На лице Раяла, обычно не отображающем ничего, кроме усталости, появилась гримаса удивления. Он усмехнулся:

– С нашей первой встречи вы стали поразительно самокритичным.

– Вы лишили меня девок, вина, охоты и всех, кто с удовольствием глядел мне в рот и веселил по первому слову. Вместо этого у меня были книги и целая вечность в одиночестве – ничего, кроме как размышлять, мне не оставалось. И читать, да.

– Я, безусловно, рад, что вам понравилось чтение.

– Ты сюда пришел светские беседы вести о пользе книг или поговорим наконец начистоту?

Вот и все. Вежливости Верда и его умения держать себя в руках хватило лишь на пару минут. Это было существенно больше, чем при их знакомстве, – положительная динамика не могла не радовать.

– Чего молчишь? Что там с осадой? Спас своего братца?

– Мне сложно вспомнить, когда мы перешли с вами на общение, присущее друзьям, но допустим, что это уже случилось. Мой брат, милорд Флейм...

– Флейм, Флейм, Флейм... Мы не на королевском приеме!

– ...милорд Верд, Хагсон, к сожалению, скорее всего, убит вашим дядей, который командовал осадой и победил.

– Каким из двух?

– Зейиром Флеймом, милорд.

– А, этим... Жаль, что ты не убил его.

Раял, что успел за это время устроиться в кресле и взять в руки гранат и нож для его чистки, выронил все, что держал. На его лице уже второй раз проявилось удивление. Если так пойдет и дальше, этот пленник напомнит ему все эмоции, от которых он столь тщательно закрывался с самого детства.

– Прошу прощения?!

– Прощаю, – фыркнул Верд. – Я был бы рад, сообщи ты мне о смерти дяди Зейира. Его никто не любит, только отец питает к нему какие-то теплые чувства, может, из-за памяти о родителях. Мой дядя ужасно злой, мерзкий, нечестный и грубый человек. В детстве, когда меня оставляли с ним, он бил меня палкой, если я не слушался.

– Ваши детские обиды очень сильны...

– Это не детские обиды! Ему все равно, кого убивать – ребенка или взрослого. И если он доберется до твоего брата, то тот не выживет.

– Я понимаю это.

– Так почему ты проиграл? Ты не послал письмо моему отцу и не попросил закончить войну, раз я все еще здесь.

– Нет, письма я не отправил. Мы проиграли сражение, милорд, из-за предательства наших союзников. Лорд Бладсворд прислал нам помощь, как он говорил. Небольшое войско, но при сражении оно было незаменимо. Однако во время битвы мы узнали, что все это было уловкой – Бладсворды напали на нас вместе с армией вашего рода, собираясь окружить и перебить. Однако нам удалось спастись.

– От двух Династий разом? Вы научились летать или мой дядя так громко пел победную песню и исполнял свой ужасный танец, что это дало вам время?

– Не устаю поражаться, насколько Династия Флейм недружна.

– Нас много. Дядя Крэйд говорил, что мы плодимся быстрее, чем Форесты. Но у Форестов земель больше, они легко уживаются по три лорда на замок и готовы жить друг у друга на головах, не ссорясь. А нам не хватает нашей территории. Мы не любим друг друга потому, что каждый считает, что достоин править и быть выше и лучше, чем брат.

– Этот дядя вам нравится больше, милорд?

– Признаться, я не люблю никого так сильно, как себя. Отец с матушкой не сделали мне ничего хорошего – родили сына и успокоились. Мне не за что их любить. А дяди... В отличие от дяди Зейира, дядя Крэйд не причинял мне боли. И я очень редко видел его. Но ты уходишь от главной темы. Ты смог сбежать один и потерял всех людей; теперь сюда идет армия моей семьи, и ты пришел, чтобы приставить мне нож к горлу и требовать у моей родни покинуть твои земли, угрожая убить наследника? На Зейира это не сработает – он скорее сам убьет меня.

Некоторые представления у лорда Верда Флейма казались странными. Быть может, потому, что он был вынужден развлекать себя чтением и ему попались романтические истории, повествующие о воинах, рыцарях и сражениях древности? Кажется, в одном из томов Раял в детстве видел что-то подобное – и нож, и требование, и побег.

– Нет, я покинул поле боя не один. Удалось увести более половины моего войска.

– Тебя атаковали с двух сторон, а ты увел половину людей? – Верд присвистнул. – А как? Теперь настала очередь лорда Глейгрима замолчать.

Он думал, стоит ли признаваться своему пленнику, сколь бы хорошо он ни начал к нему относиться, о своем удивительном даре. Способность оживлять мертвецов отпугнет лорда Флейма, признающего в трусости. Или даст повод посчитать Раяла лжецом. Или умалишенным. Так или иначе, это может испортить все, и тогда задумка Глейгрима использовать Верда, на которого он произвел хорошее впечатление, чтобы закончить войну, не сможет исполниться.

Но и лгать не было выходом.

Раял поднял гранат и нож, вынул из рукава платок. Он медленно и тщательно обтер то, что ранее уронил на пол.

Лорд Флейм в упор смотрел на него. Пленник нетерпеливо стучал пальцами по подлокотнику. Раял видел, как тот поджимал губы.

– Как? – не выдержал длительной паузы наследник Дарона.

Правитель Династии срезал верхушку граната, сделал несколько надрезов и раскрыл плод. С десяток зерен упало на черно-фиолетовые одеяния хозяина этих земель. Только один раз за все время ему удалось раскрыть гранат так, чтобы ни одна из красных капель не сорвалась со своего места.

Правитель разделил гранат на две части и протянул половину Флейму. Верд принял угощение, но положил на стол и отодвинул подальше.

– Как?!

– Я поднял мертвых.

– Ты – что?!

– Я поднял мертвых. Оживил их, и они сражались на моей стороне. Немного, но этого оказалось достаточно, чтобы успеть сбежать.

– А я знал! – Реакция наследника Дарона поражала. – Я знал, что ты сможешь это сделать! В тех книгах, что лежат у вас, есть упоминания, как Первый Глейгрим и его потомки умели оживлять мертвецов и те помогали им в войнах. И они описывались похожими на тебя, только уверен, что не были такими же скучными и занудными, как ты.

– И вы верите в эти сказки, милорд Флейм?

– А ты нет? Даже после того, как смог поднять их, ты продолжаешь сомневаться?

– Меня волновало, что вы можете не так понять меня, милорд Флейм, но подобная реакция меня беспокоит не меньше. Вас настолько сломило заточение?

– Я у тебя скорее в гостях, чем в плену. Я признаюсь и... Я никому больше не говорил этого, потому что меня бы сочли душевнобольным, но... Нет, лучше смотри!

Пленник указал на свечу, и Раял хотел было спросить, в чем дело, но Верд махнул рукой, и от пламени оторвался кусок. Глейгрим закрыл глаза и потер рукой лоб, снова открыл, но кусок по-прежнему висел в воздухе. Понемногу он стал расти, изменяться, и к правителю рода Проклятого короля подлетела маленькая огненная птичка.

Верд пошевелил пальцами, и она пролетела мимо лица Раяла туда-сюда – правитель даже почувствовал жар, – а затем стала увеличиваться в размерах и превратилась в птицу побольше.

Глейгрим вскинул руку, закрываясь от источника огня, когда она приблизилась. Еще мгновение – и она вернулась к свече и слилась с пламенем, из которого до этого и вышла.

Некоторое время стояла тишина, пока пленник вновь не полюбопытствовал насчет мнения лорда Глейгрима. Тот отложил гранат на стол.

– Позвольте поинтересоваться, это все только мне привиделось?

– Я этот фокус еще в детстве освоил. Не совсем в таком виде – мои мухи и птицы поначалу садились на стол или стул, но те загорались, и тогда я научился держать пламя в воздухе.

– И почему вы не сказали ранее?

– Не хотел, чтобы меня посчитали больным или лжецом.

– Да, понимаю. И я по той же причине хотел держать все в тайне. Что ж, прискорбно осознавать, что моя теория о том, что не только я уникален, а значит, появятся и те, кто умеет нечто похожее, правдива.

В комнате вновь воцарилась тишина.

Лорд Флейм жевал свой остывший ужин – его принесли перед приходом Раяла, а сам правитель Династии отковыривал зерна, складывал их на стол и думал.

Открытие противниками своих способностей не сделало из них хороших друзей, но определенно сблизило и позволило лучше понять друг друга. Раялу предстоял путь в родовой замок, только там он надеялся получить больше сведений о предках и, быть может, научиться большему. Настолько, насколько позволит время.

Брать с собой Верда и таскать его повсюду, словно пса на привязи, было бы бесчеловечно. Оставлять здесь – опасно. Даже если бы Олира послушалась и не стала причинять сыну врага вред, поручиться за остальных не представлялось возможным. Да и лишать свободы кого бы то ни было даже лорд права не имел. Оставался только один выход.

Уже многие дни правитель земель обдумывал, что пора бы отправить Дарону послание, такое, чтобы убедить неприятеля сразу же закончить все выяснение отношений или хотя бы заставить принять предложение Глейгрима о встрече и проведении переговоров.

– Милорд Верд. – Флейм оторвался от куриной ноги и поднял на него взгляд. – Я полагаю, нам пришло время попрощаться. Сколь бы приятным собеседником вы ни были, мне пора отправляться по своим делам, а вам – по своим.

– Ты меня убить хочешь?

– Мне бы и в голову такое не пришло! Что вы?! Я выдам вам отряд, и вас сопроводят домой, в Файрфорт. Смею ли я рассчитывать, что вы передадите лорду Дарону Флейму письмо от меня, милорд?

– Конечно! Ты в самом деле отпустишь меня? Раял, я все передам отцу и смогу убедить его закончить эту войну. Тем более что теперь мы знаем – это все кто-то подстроил!

– Благодарю, милорд.

– Верд.

Лорд Раял Глейгрим вопросительно приподнял бровь:

– Твоя вежливость, конечно, приятна и удивительна. Я и оскорблял тебя, и орал на тебя, и спорил с тобой, а ты словно деревянный солдатик. Да и к тому же учтивый до омерзения. Думаешь, после того, как ты обеспечил мне лучшие условия, чем были в моем доме, и решил отпустить меня, ты останешься для меня врагом и проклятым-лордом-говорящим-на-вы? Даже мой дядя Зейир зовет меня по имени. Все меня зовут Верд. Не очень сложно запомнить, верно?

– Вы поразительный человек.

– Ты.

– Ты. – Лорд Глейгрим еле заметно улыбнулся. – Ты поразительный человек, милорд Верд.

– А ты по-прежнему нудный и нагоняешь на меня тоску. Может быть, сыграем напоследок?

– С превеликим удовольствием.

Рирз

Спасение Фейг Форест окончательно укрепило взаимоотношения Рирза с лордом Вихтом Вайткроу.

Теперь друг бастарда был счастлив и воодушевленно вещал о том, как поможет в борьбе с Холдбистами и усадит приятеля на трон. К сожалению, это было скорее простой болтовней: южанин совершенно не имел представления о том, как ведутся войны, что ожидает его на севере и что представляет собой нынешний правитель Холдбист. Несмотря на то что Вихту неоднократно объясняли, в чем состоит проблема, восторженный юноша не хотел думать о плохом.

Незаконнорожденному сыну Рогора Холдбиста поначалу нравился боевой настрой Вихта.

К сожалению, постепенно уверенность, что пора выступать, начала сходить на нет. В первую очередь следовало сыграть свадьбу, затем разобраться с насущными делами, что накопились за тот период, пока лорд-правитель отсутствовал и приключался в Новых Землях, а после переживал за Фейг и не мог сосредоточиться более ни на чем другом.

Спасенная леди благодарила бастарда всякий раз, как видела, а за день таких встреч набегало не менее десятка. Самолюбию это, безусловно, льстило. Еще больше льстило, что Вайткроу подарил другу один из своих замков и земли вокруг него.

– Милорд Вихт, а вам не кажется, что это слишком щедрое вознаграждение? – спросил тогда бастард с севера.

– Полно, Рирз! Ты прекрасный человек и достоин куда большего, чем мой род способен тебе дать... Ты спас меня от смерти, добыл корабль, чтобы мы вернулись домой, и выкрал из лап твоего брата мою прекрасную Фейг. Это – лишь малая часть той платы, которую ты заслуживаешь, и если я могу сделать для тебя что-то еще...

Замок на землях Вайткроу был прекрасным подарком, однако Рирза он насторожил. Вероятно, это означало, что его друг передумал идти войной на север. Оно и понятно – он вернул себе возлюбленную, а значит, поход был ему более не интересен.

Нет, это было не тем, на что рассчитывал бастард.

– Юг – не мой родной дом, друг. Я премного благодарен тебе. Здесь тепло, южные женщины прекрасны, однако я подумываю вернуться к строительству.

– Зачем?!

– Если мой отец прознает, что к похищению причастен я, то свой титул я не получу никогда.

– Получишь! Я написал прошение милорду Клейсу Форесту и Его Величеству, осталось лишь отправить гонца. Ты сможешь стать моим вассалом и более не подчиняться Рогору Холдбисту.

Рирз усмехнулся.

Еще полгода назад он с удовольствием бы принял предложение. Услышав про титул, бастард бросил бы все и, теряя по пути сапоги, помчался бы в свой собственный замок. Он бы закатил пир и указывал бы каждому простолюдину на его место, прислал бы отцу письмо и сообщил бы, что добился желаемого и без работы на Великую Династию Холдбист. Он сделал бы многое тогда, но не сейчас.

Теперь он хотел большего.

Бастард прознал о болезни Рогора Холдбиста. Лорд, что не способен был без помощи забраться в карету или подняться на третий этаж по лестнице без перерывов, выглядел теперь не столь устрашающе, как ранее. Да, при нем все еще оставался его жизненный опыт, он про-

должал быть правителем своего рода, да и характер было не переделать. Но Рогор смертен. Один неудачный поход, грамотная засада – и он сгинет.

Плохое самочувствие правителя Холдбиста давало надежду, что очень скоро, даже если не способствовать, отец покинет этот мир. А если поспособствовать, что Рирз и собирался сделать, то все случится куда быстрее.

Ситуация, что произошла с наследником, то, как Рирз смог выманить брата, отвлечь, увести в удобное место и убить, – все это доказывало очень важную вещь: бастард мог идти против семьи.

И если наследник Великой Династии, на которого возлагалось столько надежд, не думал наперед и попался в столь глупую ловушку, что уж говорить о Робсоне? С ним-то Рирз точно справится.

Когда не станет братьев, останется лишь под каким-нибудь предлогом выманить отца. Вдали от родного замка ничего не стоит случайно умереть от рук разбойников или клыков диких зверей. Или заблудиться, будучи застигнутым пургой.

Малышка Риана не должна стать помехой, ее будет проще и выгоднее выдать замуж.

А выдать ее требуется за самого выгодного из кандидатов, например, за будущего короля Ауруна Старская, ведь Рирз хотел не только сесть на свой – а он теперь считал его своим – трон, но и помогать роду процветать. Он хотел править хорошими владениями, с крестьянами и урожаем, наладить связи и идти дальше, а не губить все, что создавалось многими поколениями.

В его планах на жизнь было много переменных, перспективы были туманными, и над решением он пока почти не успел подумать. Оставался еще один нерешенный вопрос – Ренрог Холдбист. Брат его отца вернулся домой после многих лет отсутствия. Дядя мог бы претендовать на трон в случае смерти Рогора и Робсона. И, что хуже всего, Рирз, видевший родственника более десяти лет назад, не знал, чем можно ему угрожать, как шантажировать или убить.

– Ты хороший друг, Вихт. Не хочу терять твое расположение. Я могу совершить ошибку, управляя землями, и наша дружба пострадает. Молчи. Не хочу слушать твоих возражений. А если придется меня изгнать или казнить? Сделай лицо попроще – я не ты, найти за что – не сложно. Не идеализируй никого, Вихт, грехи есть у каждого.

– Но, Рирз! Это же всегда было твоей мечтой! Мы с Фейг подумали, что...

Леди Фейг становилось слишком много в жизни сына Рогора, а влияние на Вайткроу, что она оказывала, видно было любому. Что ж, если она способна убедить южанина действовать так, как она считает правильным, пусть. Рирз тоже знает, как поворачивать голову друга в нужном направлении и что следует делать, чтобы получить желаемое. Угроза возвращения в Новые Земли не сработала так, как должна была, а значит, требовалось нечто иное.

– Мне приятна ваша забота. Ты прав, я совсем забыл про свои мечты и желания, верно, испугался расплаты. Хорошо, я не отправлюсь в Новые Земли. Пока что.

– Я рад это слышать! – расплылся в улыбке Вайткроу.

– По крайней мере, до тех пор, пока мы не исполним наш изначальный план, я останусь здесь. Ты ведь не передумал мстить?

– Я... Нет-нет, я очень зол, что они украли мою леди! – Врал Вихт совершенно неубедительно. Его пыл поулегся, а невеста науськивала его не ввязываться в войну. – Конечно, мы будем мстить им.

– Ты не хочешь воевать.

– Фейг переживает, что мы можем пострадать. И ты тоже говорил, что перевес не в нашу сторону и... Я хочу помочь тебе, Рирз, и не знаю, как это сделать правильно.

Да, счастливый юноша получил желаемое, и его жажда деятельности тут же сошла на нет. Ее следовало подогреть. К этому Рирз готовился уже давно, с тех пор как они только отправились за невестой. Безусловно, вынуждать и шантажировать друга – некрасиво, даже

если понимаешь, что нужно добиваться желаемого любыми методами. Но что поделать? Не только же Фейг решать за Вихта.

Бастард никогда не отличался альтруизмом. Забота о ближних не была ему чужда, но первое, чему его научила жизнь, – прежде всего следует думать о своих интересах. Никто никогда не станет помогать человеку, переживать за него и делать для него что-либо больше и лучше, чем он сам.

– Конечно, нам следует прекратить все это. Я рад, что ты счастлив. Теперь, когда леди Фейг здесь, борьба с моей семьей опасна для вас. Я не хочу, чтобы ты помогал мне, Вихт, но, если позволишь, я воспользуюсь тем, что придумали ученые мужи. Мне быгодились некоторые интересные механизмы.

– Ты желаешь продолжать один?

– Да. Ты много рассказывал мне о своей семье, ты знаешь мою историю. В моей жизни все было не так хорошо, и, признаться, после твоих слов я понял, что испытываю к лорду Рогору Холдбисту самые низменные и отвратительные чувства. С каждым новым словом о твоём отце я ощущал все большую ненависть к своему.

Мои братья казались мне хорошими людьми, однако твоя милая сестренка Леона пытается оберегать тебя куда сильнее. Они могли противостоять отцу, искать способы связаться со мной, в конце концов, если они любили меня и кричали на каждом углу, что я их брат, равный им, то кто мешал им хоть раз навестить меня? Все это пустые слова, демонстрация для других – хорошие люди, что принимают брата-бастарда. Вся моя семья, кроме леди Эббианы и Рианы, что слишком юна для этих игр, – сплошь лжецы.

И я ненавижу их. Их всех. Даже к Риане я испытываю неприязнь, ведь она часть моего отца, и ее воспитывали подобно всем Холдбистам. Я понимаю, что мои братья и сестра виновны исключительно в том, что родились у отвратительного человека, у чудовища, которое растило их по своему подобию.

Кроме того, ты очень добр, ты прощаешь всех и каждого; ты хороший человек. А они... они посмели выкрасть Фейг, да, я знаю, что лорд Форест сам отдал ее, но, думаю, его обмануть не так уж и сложно. Я принял решение – титул мне нужен, я хочу заполучить его, но не меньше я желаю убить Рогора. Пожалуй, даже больше. Быть может, если ты не позволишь мне воспользоваться изобретениями, имеет смысл вернуться к строительству замка, ведь рано или поздно отец прибудет, чтобы увидеть, как возводят новую гордость его Династии. И тогда, чего бы мне это ни стоило, я убью его.

– Но ведь он – твой отец! Он ужасен, Фейг тоже рассказывала про него, и... Рирз, я не представляю, как ты смог выжить среди своей семьи! Лорд Рогор Холдбист и правда чудовище, раз у такого прекрасного человека он вызывает лишь плохие чувства. Я был эгоистом, когда захотел остановиться и позабыть о мести! Я помогу тебе! Такие люди, как твой отец, никому не должны портить жизнь, и я надеюсь, что ты позволишь мне выступить против него вместе с тобой.

Допустить, чтобы друг выступил в одиночестве против главного монстра Ферстленда, что обижал родного сына и вырастил в душе хорошего человека все то ужасное, с чем теперь без особых успехов приходилось бороться, Вихт не мог. Благодарный идеалист.

– Не стоит. У тебя теперь есть ради чего беречь себя и жить – регент и лорд Райан Форест, насколько я понимаю, ответили вам согласием, и теперь вы можете заключить союз. Ты же мечтал об этом?

– Да. И ты исполнил мою мечту, а я хочу помочь тебе совершить свою месть.

Рирз нахмурился и покачал головой. Долго спорить было нельзя, но и показать свое неодобрение требовалось. Главное – соблюсти баланс и согласиться в нужный момент.

– Рирз, прошу тебя, позволь мне помочь. Ведь я и сам желал поквитаться с Холдбистами за столь отвратительные и бесчестные поступки! Ты не можешь лишить меня этого, верно?

И незаконнорожденный сын Холдбиста согласился, демонстративно скорчив гримасу и скрипнув зубами. Он добился желаемого.

Разумеется, бастард заявил, что сначала с удовольствием отгуляет на свадьбе Вихта и Фейг, в том числе и для того, чтобы невесту не смогли вновь выдать за другого.

Прежде чем выдвинуться на север, требовалось понять, насколько помощь ученых, лекарей и изобретателей будет полезной. За тот небольшой срок, что Вайткроу принимали всех желающих поделиться своими идеями, лишь треть предложила что-либо здоровое. И едва ли треть из этих идей могла хоть как-то помочь в противостоянии северянам.

Для лекарских опытов нужны были люди. Рирз, самолично отобрав помощников, несколько раз отправлялся с ними в отдаленные деревни и постоялые дворы. Одинокими путниками отряд также не брезговал. Кого-то соблазнили монеты. Кого-то – сытая жизнь в обмен на помощь лорду. А иным не оставили выбора веревки, которыми их связали.

Жертвы не были напрасными – кроме яда Айдина, рецепт которого будущий Гроссмейстер передал с моряками, что возвращались из Новых Земель в порт Вайткроу, доставляя фрукты и травы, был создан и испробован еще один. Количество тех, кто научился обрабатывать и зашивать раны, ампутировать конечности и лечить самые распространенные заболевания, в разы увеличилось. А за вознаграждение эти люди с удовольствием были готовы выступить с войском. Таким образом, знатоков лекарского дела, способных внести значительный вклад в выживание южной армии, у Вайткроу теперь насчитывалось раза в три больше, чем при схожих обстоятельствах было у любого другого рода.

Отравление вражеских солдат также могло позволить сократить потери и быстрее справиться с Холдбистами. Но прибегать к нему в первую очередь Рирз не хотел – в будущем придется править северными землями, каждый убитый простолюдин аукнется во время посева и сбора урожая, а каждый мертвый воин и рыцарь более не сможет стоять в карауле и воевать за бастарда. Лишь для осады Фиендхолла яды были скорее необходимостью – большая часть жителей замка и городской стражи была предана Рогору; никто из них ни за что не пожелал бы присоединиться к незаконнорожденному отпрыску-захватчику и признавать его как правителя.

Если повезет, отравленная стрела найдет и Ренрога, и Робсона. Женщинам и слугам в гуще сражений делать нечего, и стоит надеяться, что леди Эббиана и леди Риана будут обладать разумом и подчиняться.

Проблем с признанием Рирза, по его собственному мнению, не должно было возникнуть. Бастард все же сумел убедить Вихта не прощать всех и вся широким жестом, а значит, регент Клейс Форест, нуждавшийся в поддержке как можно большего количества Династий и желавший примириться с Вайткроу, скорее всего, считал себя обязанным. Приближающаяся свадьба южанина с племянницей регента должна была лишь усилить это чувство, и, таким образом, слово Вихта, замолвленное за Рирза, должно будет иметь вес. Незаконный же отпрыск Холдбиста, признательный за титул и позволение занять место Рогора, также станет поддерживать Его Высочество, и Форест должен был это понимать.

Однако, каким бы прекрасным ни был план, все упиралось в войско. За последние триста лет южане ни разу не воевали на севере, и все обмундирование армии было к этому совершенно не приспособлено. Равно как и не были приспособлены передвигаться по пояс в снегу люди, которые о нем в лучшем случае слышали от родителей. Уставшие с дороги воины вряд ли способны будут достойно сражаться, превращаясь в легкую мишень, а значит, нужно было придумать более быстрый способ добраться до места назначения, коим, разумеется, был выбран Фиендхолл.

Выросший на севере бастард сумел, по крайней мере, объяснить портным, что следует делать с одеждой и обувью. Да, новые наряды не отличались красотой и изяществом, не нравились лорду-правителю юга, но зато были способны спасти от обморожения и простуд.

Обеспеченные кровом, едой и серебром изобретатели создавали и улучшали осадные орудия, часть которых сейчас проверяли на импровизированных земляных валах и кусках стен. Новые экземпляры были куда легче, их можно было собрать на месте, к тому же надежность практически не пострадала. Да, к ним требовался иной подход, но обучить пару сотен людей оказалось легче, чем тащить неподъемные орудия на другой край королевства.

Многие простолюдины были наняты на золото Вайткроу и целыми днями строили стены и валы, возводили и укрепляли их, чтобы была возможность проверить эффективность новых механизмов, а затем вновь и вновь отстраивали. Сложно представить, как надоедало возводить один и тот же кусок замковой стены, чтобы через день, когда он будет разрушен, вновь отыскивать более или менее сохранившиеся части, заменять раздробленные камни на целые и вновь строить злосчастное укрепление. Но помощь в подготовке оценивалась выше, чем работа на полях, и добровольцы все не прекращали прибывать.

Стрелы с намотанной паклей, которую поджигали перед выстрелом, поголовно использовались лордами. Теперь же ученые мужи придумали и снаряды для катапульта, действовавшие по схожему принципу. Это оказалось самой сложной проблемой за все время. После нескольких неудачных экспериментов, в процессе которых пострадали люди, Вихт хотел все прекратить, и Рирз даже склонялся к тому, чтобы согласиться. Они потеряли двадцать человек, пятеро из которых были изобретателями. Но мудрецы не желали сдаваться. Еще трижды орудия загорались, снаряды падали и убивали ценный ресурс – людей, дважды катапульты ломались от чрезмерно большого веса, но в конечном итоге, путем проб и ошибок, потеряв около полусотни человек, лорды достигли того результата, который смог их удовлетворить. Даже Вихт тогда воодушевился и вновь захотел погеройствовать, порываясь сражаться.

Значительную часть времени будущий лорд проводил с сиром Ланиасом и другими рыцарями. Его обучали искусству войны – рассказали про подкопы и методы их рытья, о том, как с их помощью заставить стены пасть; про то, как следует ограничивать замковому гарнизону доступ к пище и воде и когда нужно выступать. Осень и зима считались самым неблагоприятным временем, а лето – наилучшим. Запасы провизии в теплое время уже были на исходе, новый урожай еще не собран и не завезен, а следовательно, продержаться долго противники были не способны.

Множество советов о том, кого следует постараться убрать первым, разнились от рыцаря к рыцарю, однако все они сходились в одном – без командующих и лорда, за которого люди готовы рисковать жизнью, чтобы после получить благодарность, далеко не все солдаты продолжат сражаться. Для большинства сдаться, сидеть в плену и есть вражескую еду приятнее, чем голодать и тем более умирать.

Оставалась одна нерешенная проблема, что терзала Рирза, – как добраться и доставить все необходимое на север, не вызвав заранее переполоха. Логичный и очевидный вариант был один – море.

По суше, через земли Форестов, путешествовать было безопасно, однако Райан неплохо ладил с Рогором и мог предупредить приятеля. Редглас, хоть и вечно демонстрировал нейтралитет, вполне мог продать Холдбистам полезную информацию. Через земли Бладсвордов вполне можно было бы пройти, более того – этот род всегда поддерживал корону и не очень любил северян, но сейчас в их владениях творилось нечто странное – кто-то кого-то убил, кто-то кого-то предал, лорд заменял лорда, и к чему это могло привести – оставалось только гадать.

У Вайткроу имелись корабли, однако их было недостаточно, чтобы переправить войско, провизию, орудия и лошадей. И, что хуже всего, южане совершенно не знали, как следует вести себя, чтобы их высадка оставалась незамеченной как можно более продолжительный срок.

Единственный, кто мог бы помочь в этом, хоть и потребовал бы очень приличное вознаграждение, – Лайтор. Где сейчас носит моряка, было неизвестно, и Вихт, по совету Рирза, разослал письма во все южные порты. Друзья надеялись, что рано или поздно старый знакомый

объявится. Также они отправили письма кораблями в Новые Земли, и удача оказалась на их стороне.

Хозяину теперь уже трех кораблей сообщили о желании лордов встретиться с ним, и Лайтор по пути до Санфелла, где он заполнял свои трюмы добром и пропивал полученные монеты, заглянул к Вайткроу.

– Вам нужны мои корабли, любезные милорды, и я в полном вашем распоряжении. Для моих добрых старых друзей я готов пойти на уступки! Я не забываю добра и всегда стараюсь отвечать достойно на проявленное ко мне доверие. В этот раз у меня есть намного больше места, а все лишь благодаря вашей щедрости. – Моряк раскланялся при виде Рирза и Вихта, когда те явились на место встречи. Чего было больше в его поклоне – издевки или отсутствия манер, – сложно было сказать.

– А как же ваши дети, уважаемый капитан Лайтор?

– А... Все мои девятнадцать детей в добром здравии.

– Уже девятнадцать? В прошлую нашу встречу их было всего двенадцать. Я, может, и не понимаю многого в женском организме, однако могу вас уверить – двух с небольшим сезонов для рождения ребенка недостаточно.

– Двенадцать... Ах да, я же не рассказывал вам, уважаемые лорды, о тех сиротках, что я взял под свое крыло. – Капитан покачал головой: – Бедные детки! Переживаю за каждого, как за своего собственного. Теперь у меня стало больше голодных ртов, а вы знаете, как нынче дорого покупать еду, а учитывая, что творится сейчас в столице...

Рирзу нравился Лайтор. Бастарду было приятно разговаривать с хитрым морским торговцем, который не чурался кланяться лордам столько, сколько они имели возможность выложить. Моряк прекрасно понимал, когда у кого-то не остается иных вариантов, кроме как просить его о помощи, и не брезговал этим пользоваться.

– Мне, безусловно, приятно вести с вами столь увлекательную беседу. Однако могу ли я поинтересоваться: при нашей следующей встрече количество ваших детей вновь возрастет? Впрочем, я уверен – возрастет. Вопрос – на сколько?

– О, это зависит исключительно от обстоятельств, при которых мы с вами встретимся. Я уверен, что, если наши взаимоотношения в этот раз сложатся удачно и в следующий раз вы будете столь же нуждаться в моих услугах, что во всех портах и даже на другом материке меня будут искать, вероятно, я смогу позволить себе еще с десяток деток и пару-тройку молодых жен, которые также потребуют внимания и золота.

– Так вы знали, что мы ищем вас?! – возмутился Вихт. – И игнорировали?!

– Я не игнорировал, милорд. Что вы, я никогда бы не пропустил мимо себя столь приятных и богатых людей. Обстоятельства вынудили меня несколько задержаться, и как только я смог, я незамедлительно явился на ваш зов!

– Цену набивал, – усмехнулся Рирз. – В этот раз корабли нам потребуются не только твои, но и всех твоих приятелей. Нам необходимо доставить большое количество людей, оружия и лошадей на... в другое место.

– Ах, прекрасные и любезные лорды желают поиграть в доблестных воинов и повоевать? Вы, я уверен, имеете для этого все основания, а заодно и мешки золотых монет, чтобы выйти победителями. Я с удовольствием слушаю вас и помогу всем, чем смогу!

Вихт

Счастью лорда Вайткроу не было предела. Воссоединение с Фейг окрылило его. Первые несколько дней он совсем позабыл о делах и лишь наслаждался ее обществом – они много говорили, и леди рассказывала о своей участи. Невеста делилась впечатлением о Рогоре, рассказывала о брате лорда Холдбиста Ренроге, о Робсоне и Сиене, о маленькой леди Риане и приветливой леди Эббиане.

Фейг подтвердила слова Рирза – Рогор менялся в лице и сердился, когда слышал про своего первенца. Он ненавидел сына – сделала заключение леди Форест, и Вихт понял, что обидел своего верного друга, когда пожелал отказаться от войны.

Рирз помогал ему и спасал от смерти, он сделал для лорда все, не требуя взамен никакой платы, и даже хотел сражаться в одиночку с чудовищем – Рогором. И Вихт чуть было не допустил подобное! Неблагодарный.

– Я не могу оставить его, моя прекрасная леди, Рирз – мой друг. Единственный и верный. И как после всего, на что ему пришлось пойти, я могу бросить его в беде? Он пропадет один!

– Нет-нет, разумеется, нет. – Фейг вскинула руки. – Его нельзя отпускать одного, мой лорд. Ни в коем случае! Нет ничего страшнее одиночества, даже болезнь и полчища недругов не способны испортить жизнь человеку так, как одиночество! Я испытала это на своей шкуре.

Юноша обнял леди и погладил по голове. Она уткнулась жениху в плечо и глубоко вздохнула. Вихт понимал, что леди волнуется.

– Я рад, что ты понимаешь меня. О Фейг, ты всегда понимала меня и поддерживала. Я знаю, что не смею покидать тебя после того, что нам пришлось пережить. После всего... но разве могу я забыть о чести и остаться дома?

– Не знаю, что и сказать. Я понимаю, что отпускать Рирза одного нельзя, и понимаю, что не хочу отпускать тебя. Я была там, Вихт, я была на севере. Я жила там нестерпимо долго, мне казалось, прошло не менее десятка лет. Это – отвратительное место, мрачное, промозглое. Ты не привык к такому, север погубит тебя. Он погубит ваше войско, и ты оставишь меня... – Она всхлипнула, попыталась отстраниться и отвернуться, но жених не позволил. – Оставишь навсегда.

– Мы не глупцы, Рирз – уж точно. Он продумывает, как нам облегчить себе жизнь, и пока мы не будем готовы, мы не покинем юг.

– Вы не сможете подготовиться, не сможете все предусмотреть. Пока вы будете идти, про вас узнают, вас будут ждать на границе.

– Мы отправимся морем, а не сушей. Тот капитан, про которого я уже говорил тебе, – Лайтор, у него есть корабли. Он провел в море большую часть жизни. Он бывал и на севере, он знает, как доставить нас.

– Я не уверена, что торговцу можно доверять. А вдруг он... Вдруг он не только торгует вином и тканями, но и грабит корабли? Или сдаст вас лорду Рогору Холдбисту? Продаст! Он может быть плохим человеком!

– Боюсь, у нас нет выбора. Он и его приятели помогут нам добраться до севера так, чтобы нас не заметили либо заметили как можно позднее. Быть может, он и правда нападает на корабли, быть может, он торгует и людьми... Не пугайся, моя леди! Да, я тоже не могу привыкнуть к некоторым реалиям нашего мира, однако люди не делятся на плохих и хороших, есть очень много тех, кого с первого раза не различить. Раньше я тоже ставил клеймо на каждом, кого встречал, и старался избегать подобных Рирзу. Однако я понял, что ошибался.

– Но Лайтор может обмануть вас! Или продать!

– В прошлый раз он не обманул, и о нашем прибытии никто не узнал ранее, чем мы сами себя выдали. О нахождении на юге Рирза никто не знает до сих пор. Капитан Лайтор –

хитрец, он умеет набивать себе цену, он может просить лишнего. Он понимает, что без него нам будет сложно, и потому не боится просить больше. Но он разумен, по-своему честен и сам предложил отдать ему сначала лишь половину; оставшееся он желает получить либо когда мы вернемся домой с победой, либо когда вынуждены будем бежать. Капитан Лайтор останется ждать в ближайшем к месту сражения порту.

– Это удивительно благородно для человека его происхождения и рода деятельности.

Вихт взял леди за руки и заглянул в заплаканное личико:

– Я верю Лайтору. И хочу помочь другу.

Фейг согласилась и отпустила жениха вершить правосудие. Когда лорд объявил о своей готовности отправляться хоть сейчас, Рирз заявил, что отказывается брать с собой друга до того, как он наконец заключит брачный союз. Несмотря на то что выбранное Вихтом время как нельзя более подходило для похода, сын Холдбиста ответил категорическим отказом на все уговоры и остался непреклонен.

Забота и участие растрогали южного лорда, и сомнений, что он сделал верный выбор, более не осталось.

Наступало лето, и, значит, если верить словам сира Ланиаса, а не доверять возлюбленному погибшей тетюшки Либби причин не было, требовалось действовать скорее. Лето – лучшая пора, если потребуются долго осаждать столицу или какие-либо еще замки и крепости, да и к тому же летом на севере должно быть теплее.

Но раз уж сын Рогора не желает видеть в помощниках свободного и холостого лорда-правителя, с союзом следовало поторопиться.

Время подготовки удалось урезать лишь до двух циклов.

Вайткроу пригласил обоих дядей невесты, ее отца и мать и других многочисленных родственников. Со своей стороны он ожидал прибытия тройняшек, однако их задержали дела, дядей и племянников. Все вассалы южан также были приглашены на праздник и явились почти в полном составе, разве что женщины в положении и маленькие дети, коим дорога могла показаться утомительной, остались в своих замках. Ветви и Малые Ветви с территорий Форестов также были приглашены, и многие ответили согласием. Те, что не могли по разным причинам явиться, отправили поздравления и подарки.

Для свадьбы разбили множество шатров, позвали музыкантов и трюкачей, певцов и артистов, все заезжие менестрели явились на праздник в надежде заработать. Слуги составляли букеты и венки не один день – все, что только было возможно, украшали цветами и гроздьями разнообразных южных фруктов и ягод.

Повара не справлялись, и даже подмога, привезенная многими гостями, привыкшими брать с собой в любые поездки кухарей, не помогла. За несколько дней до торжества пекарей, мясников и трактирщиков с помощниками согнали ко двору на подмогу, не забыв щедро оплатить беспокойство. Рыбаки и охотники несли свои товары в замок и отказывались от вознаграждения лорда – Вихт любил свой народ, и простой люд отвечал ему тем же.

Рирз в наряде, что дошили буквально на днях, успевал гонять слуг с последними приготовлениями. Для Райана Фореста и остальных членов семьи Фейг его представили как друга, назвав лишь имя, на вопрос же о происхождении Вихт тактично промолчал. Он не хотел подставлять друга.

Клейс Форест не явился на церемонию – невеста и не ждала его прибытия. Дела регента стояли на первом месте, а теперь, во время вражды Флеймов и Глейгримов, после присоединения к сражениям Бладсвордов и объявления Культа Первых, советнику и наставнику короля и вовсе было не до веселья. Может быть, и хорошо, что Его Высочество не покидал Санфелла – в замке, в привычной обстановке, среди знакомых лиц и под надежной охраной, он мог быть в безопасности. Что бы могло случиться с ним по дороге во Фридомхелл – неизвестно.

Наиболее расстроенным отсутствием Клейса Фореста выглядел Райан. Могучий и высокий правитель, когда грустил и опускал плечи, был похож на склонившееся под тяжестью утрат и горя, выпавших на его долю, огромное печальное дерево.

– Папенька, дядюшка Клейс не приехал, но ведь ты сможешь съездить к нему. – Фейг обнимала отца и выглядела маленьким ребенком на его фоне.

– Кейдс осталась дома, она оправилась от новостей про отъезд брата и предательство сестры, однако все еще неважно себя чувствует. Клейс не приедет, он прислал подарки и поздравления, прислал артистов и трюкачей из Санфелла, но это не заменит его самого. Ласс также где-то задерживается. Что ж мы за семья, если не можем собраться все вместе?

– Свадьба завтра днем, а значит, у них еще есть время добраться. Папенька, ты все еще грустишь?

– Смотрю, какая ты красавица выросла! Эх, и никто не увидит...

– Ничего. Если хочешь, мы с Вихтом пообедем всю родню и к дяде Клейсу доберемся, чтобы ты мог мною похвастаться.

Вихт заулыбался.

– Если пожелаешь, моя леди, я согласен объездить весь Ферстленд и каждому лорду рассказывать о нашем счастье.

Райан чуть повеселел и похлопал Вайткроу по плечу. От души, так, что тот издал сдавленный звук, напоминающий кряканье.

Впрочем, Фейг оказалась права – Форесты начали пребывать к вечеру этого дня и не прекращали до самой церемонии. Их друзья и вассалы, все, кому Вихт отправлял приглашение, явились на праздник, везя с собой разнообразные дары, среди которых можно было выделить лошадей, собак и вино, которые традиционно получались у Форестов.

Понадобилось больше шатров.

Его Преподобие, глава Храма Тринадцати во Фридомтауне, оказавшийся весьма строгим мужчиной с громким голосом, явился на день раньше положенного срока, чтобы высказать свое одобрение правителю и как можно лучше подготовиться к важнейшему событию. Священнослужитель привел с собой двух помощников. На рассвете, как и полагалось по обычаям юга, он должен был освятить место у озера Вайт, попросить Богов стать свидетелями союза, что должен был быть заключен в этот день, и молить их о благосклонности. Один из помощников что-то натворил, и почти все обитатели Фридомхелла и, пожалуй, Фридомтауна смогли узнать несколько новых слов и убедиться в возможностях мощного баса смиренного слуги Богов с утра пораньше.

Кроме того, простолюдины, те, что жили в городе, и те, кто прибывал на свадьбу из ближайших поселений, также могли участвовать в веселье и разделить радость со своим правителем. Во Фридомтауне украсили площадь, на которой планировались выступления. А вечером, перед отправлением на брачное ложе, по традиции Вайткроу молодожены должны были проехать по городу и у каждых ворот, в каждом квартале и на городской площади раздавать монеты и подарки. Следом за ними, по обычаю южан, шла процессия лордов со своими дарами народу, затем – жители замка, что раздавали остатки праздничных блюд нуждающимся.

В процессе поездки по городу лорд и леди были обязаны заглянуть в Храм, чтобы пожертвовать на благое дело, затем – в самые бедные дома, из которых нужно было забрать в услужение ко двору столько сирот, сколько пара хотела завести детей. После молодые отправлялись в тюрьму, где должны были помиловать одного осужденного на казнь или, если таковых не имелось, самое тяжкое наказание, и только после этого могли вернуться в замок.

Фейг нравились традиции, она долго готовилась, репетировала клятвы и, когда момент настал, с честью выдержала все долгие обряды, бесконечную вереницу из поздравляющих и пир. Уже в середине празднества Его Преподобие подошел к паре и предупредил, что нити,

которыми связывались руки молодоженов, нужно было донести до стола, за которым они сидели вместе; оставлять их на руках до самого конца было не обязательно.

Молодожены засмеялись.

– Ваше Преподобие, нам удобно. – Вихт почтительно склонил голову.

– Это не нарушает законов, что оставили нам Боги? – испугалась Фейг.

– Ни в коем разе. Боюсь лишь, что вам неудобно есть и пить, миледи, милорд. – Главный жрец потянулся к нитям, но леди отдернула руки.

– Нет! Мне нравятся нити, Ваше Преподобие, – капризно замотала головой молодая жена. – Мы долго шли к этому... Пусть останутся.

Пожилой слуга Богов вздохнул:

– Вы уверены, что созрели для замужества? Дети не должны рожать и воспитывать детей.

Он удалился, а пара только засмеялась. К началу танцев, разумеется, руки пришлось освободить. Вихт видел, как Фейг убрала нити в складки платья.

Поначалу лорд-правитель боялся, что Рирз может не найти общий язык с гостями, однако спустя всего пару часов друг попытался перепить Райана Фореста, изъявил желание поучаствовать в турнире и всячески развлекался. Кажется, именно отец Фейг, с которым сын Рогора соревновался в поглощении вина, после застолья тащил Рирза до покоев.

Только спустя четыре дня, когда гости разъехались и жизнь вернулась к привычному распорядку, Вихт смог выкроить время и прогуляться с Рирзом до озера, где теперь обитали Амфи и Оафи.

– Ты молчалив сегодня, – заметил лорд Вайткроу.

– У меня было время изучить летописи – не строить же, в самом деле, осадные орудия при таком столпотворении?

– И тебя что-то привлекло?

– Да. Помнишь, как мы отправились на турнир и вернули Фейг?

– О да! Слово это было вчера. Ты помог мне и...

– Прекрати. Я не о том веду речь. Ты прочитал мне поэму или что это было? И чего кривишься? Я не разбираюсь в подобном.

– Пусть будет поэма.

– Превосходно. Ты прочел мне поэму, и все случилось так, как ты описал. У тебя было видение?

– Нет, что ты. – Вихт не помнил своих стихов, он творил под настроение, лишь когда его переполняли эмоции. – Мне хотелось, чтобы сложилось так.

– И оно сложилось. Не странно ли это? Ротр не любил участвовать в турнирах, но даже если бы и хотел... Зачем он повез жену с собой? По словам Фейг, они не нашли общего языка и он скорее предпочел бы других девушек. И почему Рогор отпустил его? Больной отец, только оправившийся после нападения зверья. И это нападение... Фейг рассказывала тебе о нем?

– Да. Она говорила, что очень хотела, чтобы северян наказали, и обрадовалась этому.

– А я, по твоим словам, стал чудовищем, когда сражался с дикарями.

– Не чудовищем. Мне показалось тогда, Рирз. Я был напуган.

– Ты каждый раз описывал мне, чем я стал. И спустя цикл, и спустя сезон – твои слова не меняются со временем, значит, ты помнишь, что ты видел.

– Я не понимаю, что я видел.

Вихт не знал, что и думать. Рирз пытался найти объяснение тому, что происходило по воле Богов? Он искал причины своего удивительного превращения? Переживал за брата и искал достойное оправдание?

– Что ж, оставим пока меня. Поговорим о тебе. Ты ведь знаешь, что ходит множество легенд о даре тех, кто является потомком Первых из Династий? Нет, погоди! – Друг остановил

его, когда лорд Вайткроу захотел возразить. – Я знаю, что ты скажешь – глупые сказки, ничего не значат, только дети их любят да простолюдины, которым не о чем посплетничать.

– Не совсем. Тетушка Либби тоже перед смертью пыталась поведать мне о старых поверьях. Она говорила, чтобы я опасался и знал, что это правда.

– Я пока не планирую умирать. Однако меня заинтересовали легенды о Первом из Вайткроу. Ты помнишь ее?

– Очень смутно.

– Тогда слушай. Первый из Вайткроу был одаренным и совершенно неконфликтным человеком, если его можно так назвать. Он отселился подальше от всех остальных, на юг, где мог часами слушать шум моря и наслаждаться рассветами.

Его инструменты, любые, что он брал в руки, завораживали слушателей, а музыка доносилась на мили вокруг. Он был прекрасным художником, и его картины казались живыми, вода в них не замирала ни на мгновение, деревья росли из года в год, а трава гнулась на ветру. Он писал великолепные стихи, и слушатели словно видели описанные им сцены собственными глазами.

Первые вели свои сражения и множество раз пытались победить и умертвить Вайткроу, однако тот всегда находил путь для побега. Его дар в поиске наилучшего пути был единственной полезной его способностью из тех, что помогали выжить.

Но нападения и не думали прекращаться. Наконец несколько Первых, насколько я помню, там упоминался и Холдбист, объединились и решили заставить музыканта врасплох. Чем именно, кроме своего нежелания сражаться, он не угодил другим, в легендах не говорится.

– Это, безусловно, интересно, Рирз, а ты прекрасный рассказчик, однако я не понимаю, чем это поможет ответить на твои вопросы.

– погоди и не перебивай! О чем я говорил?

– Первый из Вайткроу не хотел сражаться, а другие его не любили.

– О да. Слушай дальше. Первый из Вайткроу надеялся выбраться, он все искал и искал путь, метался, но так и не мог вырваться из кольца врагов. Форесты привели свое зверье, Холдбист... Да, он там был! Холдбист привел своих подданных, он мог учуять Первого Вайткроу и идти по его следам, а Редглас следил за ним из каждой зеркальной поверхности.

И Боги пришли на помощь к бедному Первому – он был единственным, кто не желал проливать кровь и дольше всех противился низменным желаниям. Они предложили ему множество даров на выбор, тех, что он был бы способен применить, чтобы сразить врагов и навсегда освободиться от них. Однако человеколюбивый Первый сказал: «Я пойду своим путем!» – и попросил о другом даре.

Его картины, музыка и стихи, все то, что он мог создать, теперь начало сбываться. Он нарисовал сучком на земле картину, в которой Холдбист возвращается в свои края, и Первый из моего рода ушел. Первый Вайткроу написал рядом короткое стихотворение о том, как Редглас вспоминает о своих делах и решает вернуться домой и более не покушаться на жизнь Вайткроу. И Редглас ушел. На своей излюбленной лютне Первый из Вайткроу сыграл и спел песню о решении Фореста оставить его владения, увести своих верных друзей прочь, и Форест ушел.

Боги сказали Первому из Вайткроу, что он впечатлил их и убедил в своей искренности. И они оставят ему этот дар, усилят его и дадут возможность убивать. Но твой прародитель отказался. Он поблагодарил Богов и попросил оставить дар лишь как защиту, и взял с Богов слово, что те не будут предлагать ни ему, ни его потомкам лишать кого-либо жизни. Твой прародитель не хотел походить на других первых, любящих воевать. И тогда Боги даровали Первому Вайткроу женщину – сама Богиня Сотворения создала ее. Дева была прекрасна, а их с твоим предком дети унаследовали лучшее от матери и отца.

Сын Рогора шумно выдохнул, наверное, он устал от столь длинных речей.

Вихт молчал и смотрел вперед, до озера оставалось совсем немного. Слова друга удивляли, вселяли сомнения, и обрывки мыслей, что вертелись в голове, никак не желали соединяться воедино.

– Это очень интересная легенда, Рирз, – аккуратно начал южанин. – Однако я не могу понять, зачем ты поведал ее мне. Лишь из-за красоты?

– Нет, я не уверен, что она полностью лжива. Твоя поэма натолкнула меня на размышления, еще тогда, по дороге обратно, я думал, что все произошедшее – странно, а теперь...

– Я могу говорить с тобой откровенно?

– Да.

– Я бы не хотел обижать тебя, Рирз. Ты прекрасный человек и мой хороший друг... О, и мы дошли до озера!

– Не уходи от разговора. Ты считаешь меня глупцом?

– Нет.

– Не лги мне.

– Нет! Ты один из самых умных людей, что я встречал, но ты чрезмерно... Любопытен и впечатлителен, – подобрал наконец слова Вайткроу.

– Я предлагаю тебе проверить. Мы ничего не потеряем.

– Проверить? Но как?

– Напишешь свою поэмку о ерунде, которая тем ни менее не способна случиться на самом деле, и мы посмотрим. Попробуем пару-тройку раз, и если я ошибся, то перестану донимать тебя подобными разговорами. А если нет – мы еще вернемся к этим легендам. Что думаешь?

– Почему бы и нет?

На знакомые голоса из озера показалась голова. От макушки до шеи водоземы выглядели совершенно одинаково, женщина не отличалась от мужчины, пока не представляла пред взором хотя бы до пояса – Оафи, как и другие, имела на голове лишь некоторое подобие плавника и шипы, что складывались в небольшой бугор, как только кожа высыхала.

Рирз же каким-то образом отличал своего верного друга от его спутницы.

– Оафи, я рад тебя видеть! А где Амфи?

– Ты принести дар? – меркантильно поинтересовалось существо.

– Я принес тебе вот это. – Рирз достал из кошель бусы из блестящих полудрагоценных камней.

Оафи подплыла ближе и протянула руку. Получив подарок, она нацепила его на шею, облизнула камень, попробовала его на зуб, а после выпятила зубы на всеобщее обозрение – ее спутник научил ее улыбаться.

После она поспешно скрылась в воде. Через минуту выплыли уже две одинаковые головы, и радостный Амфи начал выбираться на берег, переваливаясь.

– Риис! Риис! Риис! Вих! Вих! – Он так и не научился правильно произносить их имена, но ему это было простительно. – Вы плавать со мной?

Зейир

Брат ждал его в обеденном зале.

Дарон Флейм едва виднелся за блюдами, числа которым, как казалось Зейиру, не было. В центре стола расположилось поражающее своими размерами блюдо с увесистым раскормленным поросенком. Прежде чем зажарить, свинью распотрошили, все съедобные внутренности вынули и перемешали с топленным жиром, сыром, орехами и травами, что поставляли Дримленсы. Затем этим нафаршировали поросенка, зашили и долгие часы готовили, чтобы после он украшал стол правителя земель. Вокруг приготовленной туши стояли горшки с топленным жиром, в котором плавала смесь из частей свиных ног, ушей, языков и хвостов, приправленная многочисленными корнеплодами. Рядом с этим великолепием стояло несколько небольших плошек с медом, травами и сыром. Это традиционное блюдо Флеймов у всех южных лордов вызывало ужас.

Кажется, дядю нынешнего правителя рода Вайткроу, Ктума, когда тот в юности прибыл на свадьбу Дарона Флейма, настолько впечатлили привычные Флеймам яства, что он не смог сдержать в себе завтрак, а после поспешно отправился на прогулку и более на пир не возвращался.

Сам Зейир в походе скучал по вкусной еде и сервировке, но даже он, привыкший есть от пуза и когда пожелает, понимал – одного поросенка им с братом бы вполне хватило. На столе Дарона же традиционное угощение почти терялось на общем фоне.

Зато не терялся сам правитель – его живот за последний год увеличился в размерах. Брат утверждал, что виной этому – нервное напряжение от обвинений в похищении Рорри Дримленса, отвратительный поступок Хагсона Глейгрима и подготовка к войне. Каждый прибавленный им фунт он оправдывал чем угодно, не желая смотреть правде в глаза.

Лекари уже давно переживали за здоровье правителя и пытались втолковать ему, что он не молодеет. Зейир слышал, когда бывал в Файрфорте, как бедные ученые мужи втолковывали лорду Дарону Флейму, что необходимо есть, а от чего отказаться, и видел, как казначеи тогда совали в лицо свои папирусы с расчетами. А уж что отвечал им старший брат, было слышно еще и в городе.

– Зейир! Брат, я рад, что ты наконец-то пришел! Ты пропустил завтрак. Составишь мне компанию? Лилан в Храме, Верд... Ох, мой сын пропал, Зейир, надеюсь, он скоро вернется! Фейлн и Марла покинули меня. Ох, я не люблю обедать один.

– Я не голоден.

– Но ты не спустился к завтраку! И теперь снова отказываешься от еды. Ты... ты заболел? – Дарон отодвинул блюдо с фруктами, которое было украшено торчащими во все стороны пучками сладких стеблей, чтобы лучше разглядеть брата. – Зейир, если ты болен, я призыву всех лекарей, Гроссмейстер напишет в Цитадель и мы все исправим!

– Со мной все в порядке. Я не голоден, и только.

– Ты пугаешь меня. Может, хоть вина выпьешь? Поговорим с тобой, как в старые времена. Расскажешь мне про осаду.

– Дарон, давай поговорим начистоту. Чего ради ты позвал меня? Битва выиграна, но лишь одна из многих, и я должен быть там. Там, у границ, мое место, а не за стенами Файрфорта. И ты знаешь, что я хотел заполучить себе проклятого ублюдка Глейгрима и поквитаться с ним! – Зейир вскочил на ноги. Он злился и не мог справиться с эмоциями, да и не хотел. – А ты забрал его у меня!

– Успокойся, брат, и присядь...

– Ты не дал мне отомстить за мою дочь! Ты ведь знаешь, что она больна! Из-за него, Дарон. Из-за этого человека до твоей племянницы добрались длани Бога мучений. Он наслал

на нее порчу, и она, моя бедная девочка, не смогла воспротивиться этому! Ты представляешь, что ей пришлось пережить?

Зейир не хотел садиться за стол к брату и тем более разделять с ним трапезу.

Дариа страдала, лекари делали для нее все, что могли, и самым правильным выходом была бы случайная смерть. Брату правителя предлагали такой вариант, как и предлагали отправить дочь на Остров, но он не хотел. Пока Дариа рядом, пока она жива и служит для всех вечным напоминанием, любой его поступок будет оправдан.

Пламя в камине взмыло вверх, и в зале стало жарче.

– Ты переживаешь за дочь и потому желаешь морить себя голодом?

– Да пусть под землю сгинет вся твоя еда и ты вместе с ней!

Брат правителя с яростью схватился за оранжевую скатерть и дернул ее на себя. Графины, тарелки, бокалы, вилки и ложки, изысканные блюда, над которыми повара корпели не один час, – все посыпалось на пол. Жир разливался по серым плитам, в него падали орехи и фрукты, со стола падали вкуснейшие яства, в том числе и поросенок, к которому не успели и притронуться. На мгновение Зейиру стало хорошо.

– Ты что творишь?!

Правитель нелепо соскочил со своего стула – его живот запрыгал рядом с ним. Лицо Дарона покраснело, как и всегда, когда он злился. Он махал руками и тряс располневшими щеками и складками на шее, подобно разъяренному индюку.

– Хочу, чтобы ты перестал жрать и начал думать как мой брат и как правитель Династии!

Пожалуй, сложно было придумать, в какой момент времени они, злые и раскрасневшиеся, сверлящие друг друга маленькими светлыми глазами, в растрепанных одеждах и с прилипшими к потному лбу волосами, выглядели бы еще более похожими.

– Ты растерял по пути весь разум? Я тоже переживаю за Дарию, я люблю твою дочь. И ее, и Эльсу, и Ласса – они и моя кровь тоже! И ты, брат, – моя кровь. Но даже если ты разнесешь весь Файрфорт, я не позволю тебе устроить расправы над лордом Хагсоном Глейгримом!

– Ты... Ты! Ты – всего лишь жалкая пародия на правителя. Ты способен только набивать желудок! Ты не представляешь, что значит любить, не знаешь, что такое смотреть на страдания детей. – Зейир стиснул кулаки. Он говорил столь убедительно, что начинал сам себе верить. Вообще же неспособность отомстить волновала его куда больше, чем здоровье дочери и ее душевные переживания.

– Заткнись! Сейчас же замолчи! Я прощу тебя за эти слова, но только потому, что ты мой брат.

– На что мне сдалось твое прощение?! Я прав, и ты знаешь это.

– Зейир, брат. – Дарон научился сдерживаться и быстро приходит к равновесию в душе. – Я понимаю, что ты желаешь мести. Но послушай меня, прошу. Мой старший сын, мой наследник Верд пропал. Я подозреваю, что его могли пленить или, еще хуже, убить.

– Глейгримы точно убили его. Или скормили своим ручным мертвецам. А может, и сделали из него такую же послушную гниющую игрушку.

Дарон изменился в лице. Его щеки затряслись, когда он попытался снова взять себя в руки. Со лба брата-толстяка скатывались капли пота, на светло-желтых и оранжевых одеяниях в районе подмышек и по всей спине проступали мокрые пятна. Зейир понимал, что Дарону было жарко, а пламя в камине лишь разгоралось.

– Мертвецы... Ох, Зейир, открой окно. Здесь невыносимо душно.

– Это все твои бесконечные яства, – проворчал брат правителя. Но просьбу он все же исполнил, открыл окно, и свежий воздух вернул к жизни старшего из Флеймов.

– Я надеюсь, что Верд жив. Да-да, ты скажешь то, что и Бьол, – это всего-то вера отца. Пусть так, но я не хочу терять надежды. А Фейлн, мой бедный и совсем еще юный мальчик, возглавляет военный поход, и я не знаю, увижу ли я его живым и невредимым. Он может

потерять руку, ногу или жизнь. Моя дочь, милая и добрая Марла, что всегда доверяла мне, вдруг сбежала. Не знаю, что произошло, но думаю, в ее возрасте девушку из дома может увести влюбленность. Я понимаю, что она может вернуться с бастардом, а может и не вернуться вовсе. И у меня нет свободных людей, чтобы отправить их на поиски.

– Марла сбежала? И давно?

– Через цикл после отправления Верда. Подозреваю, что сыновья помогли ей. Оба или один из них.

– Но какое это имеет отношение к моей мести?

– У тебя есть сын. Ласс. Надеюсь, ты помнишь про него.

Зейир молча кивнул. Разумеется, он помнил про своего единственного сына – его надежду и опору.

Девять лет назад у Зейира случился конфликт с лордом Утосом Слипингвишем. Тогда Дарон Флейм только отдал своему брату возможность править перешейком между Дримленсами, Старскими, Глейгримами и Флеймами – до этого землями руководил брат их отца, лорд Керт Флейм. После смерти дяди его место занял Зейир, тогда он был благодарен правителю за оказанную честь и свято охранял границы.

Лорд Утос тем временем мешал ему и все норовил ступить в чужие владения. Кроме того, у границы Слипингвиши, вассалы Дримленсов, начали строительство очередного замка и высокой стены, что совершенно не нравилось Зейиру. Он понимал, что за этой стеной будет скрываться опасность.

Дарон не захотел помогать ему, и тогда второй сын лорда Боуэна Флейма решил действовать самостоятельно. Ночью его люди прокрались на земли Дримленсов и подожгли деревянные башни и опоры стен. Разумеется, это привело к разрушению конструкции.

В долгу не остались и Слипингвиши – мстительные людишки отправили своих людей с диверсией, и те отобрали у крестьян все запасы, какие только могли унести, а все, что не получилось взять с собой, высыпали на землю и смешали с грязью.

Зейир решил не спускать это с рук, и его люди напали на крестьян Дримленсов, испортили всю провизию и увезли с собой двадцать два коня, девять юных дев и десять юношей, которых после принудили работать на новых хозяев.

Перепадки подобного рода не прекращались, но и не переходили за рамки, пока во время одного из таких набегов люди Флейма не убили Мортонна Слипингвиша, сына Утоса. Это стало началом войны. Лорд Флейм клялся, что он ни при чем и совершенно не знал о присутствии юного Мортонна. Но ему не очень-то поверили, и не зря. На самом деле Зейиру донесли о приезде мальчишки-лорда, которому не терпелось посмотреть, как продвигается возведение нового замка.

Вялотекущие стычки и мелкие битвы не интересовали никого. Два лорда, что обменивались стрелами и мерились убитыми друг у друга бойцами, раздражали лишь собственных правителей. Но через сезон, когда пришли холода и прежние набегии дали о себе знать, сражения стали яростнее. Зейир потерял в одном из них трех своих лучших рыцарей и советника Деумеса. Тот был прекрасным, верным человеком и отказался покидать своего лорда, которого он знал с рождения, на поле боя.

Второй сын лорда Боуэна Флейма был вынужден просить помощи, когда стало понятно, что ситуация накаляется. Он хотел стереть с лица земли всех Слипингвишей. Однако Дарон отказался присылать людей, в то время как на стороне вассалов Дримленсов выступили двое его соседей. Численный перевес был на стороне врага, войско Зейира насчитывало в два раза меньше пеших воинов и в три раза меньше конницы. У брата Дарона было преимущество в виде рыцарей и командующих, но оно не смогло бы спасти ситуацию.

И тогда Зейир обратился с просьбой о помощи к своему единокровному брату Крэйду Флейму, двадцатичетырехлетнему глупцу, который, как считал Зейир, как раз должен был меч-

тать участвовать в битвах и совершать геройства. У них с Крэйдом был один отец, но разные матери – лорд Боуэн потерял жену через год после рождения дочери, леди Алеаны, которую отдал в жены Экрогу Редглассу, женился второй раз и даже сумел дать жизнь еще одному сыну.

Глупый недобрат, вместо того чтобы помочь Зейиру, решил рассказать все Дарону, и тот приказал ему не вмешиваться. Зейир проиграл все свои сражения и готовился к смерти, но Утос Слипингвиш решил поиграть в благородство и предложил перемирие. Одним из условий стало скрепление мира союзом одной из трех его дочерей с сыном Зейира, Лассом. Это должно было обеспечить мир на долгое время.

Если бы продолжения у договора не было, то второй сын Боуэна собрал бы силы, пожелал бы врагу провалиться под землю и непременно взял бы реванш. Но Утос предложил, и не только ему, но и правителям Флейму и Дримленсу, забрать Ласса к себе. К лорду как к будущему мужу леди из Ветви Слипингвиш будут относиться с уважением и почтением, он не будет ни в чем нуждаться, и Зейир сможет видеть его так часто, как пожелает, но только на территории Дримленсов, пока оба ребенка не подрастут, чтобы пожениться.

Дарон тогда убедил брата сдаться, и Зейир ненавидел его за это все минувшие годы.

– Помню. И куда отчетливее, чем мне хотелось бы. Почему ты вспомнил про моего сына?

– Хагсон Глейгрим – ценный заложник, и чем целее он, тем выше его ценность. Может стать, что нам придется отдать его, чтобы вернуть моих сыновей. Например, Верда, если его пленили, но не убили наши противники. Быть может, ни Верд, ни Фейлн не переживут этой войны. Тогда единственная надежда останется на Ласса – твой сын сможет продолжить наш род после моей смерти. Понимаешь, Зейир? Тебе есть ради чего продолжать жить. Кроме своей мести.

– И при чем тут ублюдок Глейгрим, Дарон? Провалиться б тебе под землю, я не понимаю!

– Кроме выгодного обмена, он послужит и для другой цели. – Дарон набрал в грудь воздуха, выдохнул. Затем повторил это еще и еще. Даже с открытым окном ему было жарко.

Брат правителя готов был поклясться, что хуже старшему Флейму становится, когда вспыхивает камин. А он, как казалось Зейиру, разгорался пуще, когда его одолевали приступы ярости.

– Какой цели, Дарон?

– Закончить войну.

– Что?! Ты хочешь закончить войну просто так? Без победы над этими проклятыми лордами?! Когда у нас наконец-то появились достойные союзники?

– Довольно, Зейир.

– Да мы легко сметем этих любителей протухшего мяса, мы уничтожим их замки, мы сожжем их города и сровняем с землей! Мы...

– Прекрати!

Дарон ударил рукой по столу. Его лицо перекосила гримаса боли – он не рассчитал силу, однако продолжил говорить, потирая ушибленную руку:

– Перестань, Зейир! Эта война нам слишком дорого обходится. Пока все не зашло слишком далеко, я думаю, нам пора ее прекращать. Милорд Раял Глейгрим разумен, насколько я слышал, а значит, он тоже должен все понять. Он принесет нам извинения, и мы придумаем, что мы желаем получить за недостойное поведение Хагсона.

Нервы брата правителя были уже на пределе. Он никогда бы не поверил, что его близкий родственник, тот, что занял место отца, желает идти на попятную, если бы не услышал собственными ушами.

– Его голову!

– Ты безумен, брат! И ты начинаешь меня пугать. О Боги, как же здесь душно.

Правитель затеребил камзол на шее, тщетно пытаясь развязать многочисленные бантики из лент. Его лицо побагровело, но уже не от злости, и он все дергал и дергал воротник.

– Раял Глейгрим поднял мертвецов, и они напали на наше войско! И на войско Мортон Бладсворда.

Дарон хрипло засмеялся. Это вызвало приступ кашля.

– Ты уж давно разменял четвертый десяток, а все веришь в глупые сказания!

Смех стал последней каплей.

Зейир закричал.

Он не понимал, что именно он кричит, кажется, желал Дарону смерти и как можно более мучительной.

Пламя вырвалось из камина и, не повинаясь никакой логике, пролетело через помещение и охватило правителя Великой Династии целиком. Зейир слышал нечеловеческие крики брата и желал, чтобы им никто не помешал. Не успели еще двери отвориться, как огонь охватил весь зал. Языки пламени взмывали ввысь, и ни слуги, ни советники, ни рыцари, ни лекари, ни кто-либо еще, спешивший на помощь лордам, не мог пробиться через огненные стены.

Самого второго сына Боуэна, стоял он или подходил ближе, огонь не трогал. Языки пламени расступались перед ним.

Старший брат все продолжал кричать, он был весь объят пламенем.

А Зейир улыбался и смотрел, как сгорает Дарон Флейм.

Клейс

Клейс не был готов к бедам, что свалились на его голову. Он не был готов к тому, что лорд Дримленс пропадет. Он не был готов к тому, что брат испортит отношения с Вайткроу и выдаст свою дочь замуж за сына Рогора Холдбиста. Регент не просил ни о чем из этого списка.

Лорд Форест все еще разрывался между двумя королями, не зная, чью сторону ему следует принять. Лжеаурон радовал его каждый день, Клейс присутствовал на его уроках, он беседовал с сидящим на троне мальчиком каждую минуту, что выкраивал для этого, и не переставал восхищаться, как из сына простолюдина могло получиться нечто подобное. Вторым мальчик, хоть и взял все лучшее из внешнего вида Гийера и Аалии, оказался удивительно капризным и вредным ребенком весьма посредственного ума. И Форест не просил взваливать на него ношу ответственности и выбора.

Он не просил, чтобы Флеймы и Глейгримы развязали войну, не просил и Брейва Бладсворда принимать сестру-беглянку, а после ее предательства покидать Ферстленд.

Когда законный правитель востока явился к нему в сопровождении небольшого отряда преданных людей и мальчика-воспитанника и попросил разрешения покинуть королевские земли, чтобы отправиться в путешествие, регент пытался его отговорить. Клейс не хотел терять одного из немногих здравомыслящих лордов во время творящегося вокруг безумия.

Однако Брейв упорно стоял на своем.

– Ваше Высочество, – сказал лорд Бладсворд в ту встречу, – в моих владениях меня преследуют призраки прошлых ошибок. Вся моя жизнь рушится на глазах. Более там нет для меня места.

– Вы – правитель своего рода. Вы – хозяин своих земель и уважаемый всеми человек, милорд Бладсворд. Ваш народ любит вас, он всецело подчиняется вам, не из-за страха или не имея другого выхода. Ваши люди ценят вас и Его Величество тоже. Вам незачем покидать свой дом.

– Это более не мой дом, Ваше Высочество. Кнайфхелл стал для меня чужим. Моим народом теперь будет править не менее законный лорд – мой дядя Мортон Бладсворд. Уверен, что у него получится лучше, чем у меня.

– Лорд Мортон – воин, а не правитель. Милорд, я слышал про вашу сестру, но это совсем не повод сбежать. Я не стану говорить, что понимаю ваши чувства, ведь никогда не сталкивался с подобным. И я не стану отговаривать вас или силой принуждать остаться, но я хочу понять, что побудило вас отречься от своих прав и пожелать судьбы обычного простолюдина-моряка.

– Я никогда не врал Его Величеству и не стану врать вам. Меня гонит прочь страх.

– Страх? Я знаю вас много лет и не встречал никого, кто бы смог назвать вас трусом.

– Я боюсь, Ваше Высочество, что мое проклятие перейдет на моих близких. Я боюсь, что если останусь на своем месте, то лишусь ума от боли и разочарования, что мне придется переживать. Да, весь мой род всегда славился прекрасными бойцами, Бладсворды – лучшие из воинов, рыцари, бесстрашные на поле боя и несколько безумные в своей верности короне. Но одно дело – на поле боя, а совсем другое – каждый день расплачиваться за грехи.

– Проклятия, опять проклятия. Даже лорды любят думать про проклятия, верят в них и Богов. Если бы Боги на самом деле существовали, то сейчас с вами разговаривал бы не я, а Гийер. Если бы они были, то из всех детей Аалии выжил бы не один Аурон. Если бы Боги думали о нас и их заботила бы наша судьба, то брат никогда бы не поднимал руку на брата, сын на отца, а люди бы не терзали и не убивали бы других людей ради собственного удовольствия.

– И давно вы утратили веру в Богов, Ваше Высочество?

Регент повернулся.

Его взгляд, хоть перед ним и стоял Брейв, был устремлен на стену, где висели портреты королей. Среди множества незнакомых лиц он узнал троих – Фалин Добрый, Гийер Справедливый и Аурон, хоть пока его и не короновали, занимали центр стены.

Когда-нибудь, спустя десятки лет, его дети-бастарды, а быть может, и внуки будут так же смотреть на портреты новых королей, следующих Старскаев. Они, как и Клейс сейчас, не будут помнить всех их по именам, и, скорее всего, Гийер Старскай станет лишь каким-то неизвестным лицом на холсте.

Фалин Добрый Старскай издал множество указов, он успел поучаствовать в войне, в строительстве и навсегда оставил память о себе. Тхомен Властный Старскай, что жил, насколько помнил лорд Форест, сто двадцать лет назад, не совершил почти ничего выдающегося, был не самым приятным человеком, если в летописях все верно, но издал единственный указ, изменивший многие устои – он запретил лордам, и особенно королевскому роду, заключать близкородственные брачные союзы. Всего сотню лет назад этому противились, называли короля безумцем, но теперь все следовали завету. Ныне считалось, что правильнее найти леди из Малых Ветвей или даже незаконнорожденную дочь лорда, нежели сыграть свадьбу с сестрой, кузиной или тетушкой.

Гийер Справедливый Старскай же приводил в порядок земли и разбирался со всеми проблемами, что остались после введения новых законов Добрым королем, и люди любили его. До сих пор народ горевал о потере хорошего короля, однако уже через пару десятков лет про Справедливого Старскай забудут. Созидание и благородство запоминаются куда хуже решительности, властности, кровопролитий и разрушений.

– Довольно давно. Я с юных лет верил скорее в силу человека, в его таланты и дух. Но болезнь моего наставника и друга вынудила меня искать все способы спасения. Два года я посещал Храмы и молился, каждый день я вставал и шел к алтарям, чтобы достучаться до Богов. Я приносил пожертвования и умолял жрецов, что твердили о своей связи с высшими силами, стать моими парламентарями и помочь. Мне обещали помощь, но Гийер умер. Мне твердили, что он в лучшем из миров, Боги заботятся о благополучии короля, и там его не терзает болезнь. Но если этот лучший мир существует, почему все мы не там? Почему Боги не возвращают тех дорогих и близких нам, без которых не мила жизнь? Никто не видел тот мир, но все говорят о нем. Я не верю в него. Гийер Старскай мертв. Он не наблюдает за своим сыном, я не могу посоветоваться с ним, а его тело гниет. Оно медленно, но верно обращается в пыль в усыпальнице Санфелла.

– На вас свалилось множество бед, Ваше Высочество. Но вера помогает человеку пережить все. Именно вера позволяет пережить горечь утраты, она способна поднять на ноги и заставить идти в новый день.

Лорду Форесту показалось, что милорд Брейв изволил пожалеть его. И почему все считают своей необходимостью переубеждать разуверовавшего человека?

– В самом деле? И ваша вера помогает вам? Вы бежите с материка, испугавшись непонятного проклятия. Ваша вера в Богов терзает вас уже многие годы. Меня с постели каждый день поднимают мои обязанности. Только мой нрав и упрямство помогают мне продолжать двигаться вперед. Только моя семья служит мне опорой и вселяет надежду, что если случится что-либо, то они помогут мне. Если молитвами можно исцелить, то для чего нужны лекари? С тех пор как Фалин стал помогать лекарству процветать, больше детей стало доживать до своего взросления, старики стали проживать жизнь на несколько лет длиннее, а некоторые болезни перестали быть смертельно опасными. Это сделали люди. Люди, милорд Брейв, а не Боги.

В Большом зале стало тихо.

Брейв не был согласен с Клейсом, регент понимал это, но и спорить он не хотел. Лорд Форест, в свою очередь, не желал навязывать кому бы то ни было свою точку зрения. Мужчины молчали и думали, как продолжить разговор так, чтобы это не привело к конфликту.

Наконец Клейс решил спросить то, что его на самом деле интересовало:

– За что на вас легло проклятие?

Лорд Бладсворд посмотрел на пол. То ли он не хотел говорить это никому, то ли именно Форесту, а быть может, он не мог сформулировать мысль и на самом деле только сам нагнетал обстановку, убеждал себя и верил в надуманное.

– Я не уследил за сестрой. И я виноват, что она сбежала и стала такой.

– Вы были еще юны. И каким образом именно вы стали виновны? Вы насильно увели ее в Цитадель?

– Она пришла ко мне за два дня до побега и попросила совета. Тогда я сказал ей, что подчиняться правилам глупо и не нужно, поступать по сердцу – единственный правильный путь.

– В том возрасте и я сказал бы то же самое. Все молодые горячи и в чем-то безумны. И все бесстрашны, считают себя бессмертными и самыми мудрыми на всем свете. То, что говорят прожившие долгую жизнь, они считают глупостями стариков и истинный смысл и полезность советов понимают в лучшем случае спустя пять-десять лет, а некоторым и вовсе не дано осознать правильности речей.

– Да. Но после моих необдуманных слов Эрин сбежала. Я не узнал у нее тогда, что же влекло ее, чего желало ее сердце. И из-за этой глупости, из-за моей неосмотрительности и нежелания послушать юную леди я смог встретить сестру лишь теперь.

– Это единственное, что гложет вас?

– Когда у меня была жена, живая и здоровая, я позволил себе полюбить другую женщину.

Клейс чуть не рассмеялся. Брейв говорил, словно юнец, возвышенный идеалист лет пятнадцати.

– Люди склонны влюбляться. Жену вы не выбирали, и я понимаю, почему вам могла приглянуться другая женщина. Я догадываюсь, что вы проводили с ней ночи, и это тоже тяготит вас. Вероятно, у вас есть даже ребенок от этой женщины и... О, Эуан! Он похож на вас куда больше, чем Эриза Редгласс, ваша законная дочь. Эуан – не сын вашего друга, верно?

– Вы наблюдательны, Ваше Высочество. И всегда так быстро понимаете, что к чему?

– Жизнь заставила меня научиться анализировать и рассматривать все возможные варианты. Тот, что я сказал, был самым логичным.

– Эуан мой сын. Я подговорил богослужителя, и тот обвинил меня с моей возлюбленной. Многоженство карается проклятием – так и случилось. Моя возлюбленная умерла вскоре после родов, моя законная первая жена лишилась ума и сбросилась с крыши. Душевнобольная, запертая в своих покоях до приезда Гроссмейстеров из Цитадели Мудрости, она каким-то образом выбралась, прокралась мимо стражи, забралась на крышу и рухнула с нее вниз.

– Насколько я помню, говорилось, что она выпала из окна, когда, испугавшись, что Эриза упадет, оттолкнула от него дочь.

– Да, именно это и знают все. Однако это ложь. Я не смог бы объяснить, каким образом мои воины не заметили леди Бладсворд. Никто так и не понял, как она сумела забраться так высоко. А Эриза... Моя бедная дочь долго винила себя в смерти матери, она не находила себе места, и я, вместо того чтобы сознаться и выслушать насмешки о внимательности стражи, предпочел скрыть истину. Это – еще один мой грех.

Регенту было что сказать, однако, когда кто-то изливал душу, требовалось молчать и слушать.

– После смерти Тиаделы я не признал своего сына, потому что боялся огласки, я боялся, что надо мной станут смеяться. Мой бастард стал для всех сыном моего друга и горько переживал его смерть. Даже тогда я не смог открыться Эуану. И это еще один мой грех. Я быстро выдал Эризу замуж для того, чтобы ее не коснулась расплата за мои пороки.

– Вы не представляете, как много людей с похожими судьбами. Однако никто из них не бежит из Ферстленда. Вы не самый отвратительный человек, не стоит так переживать.

– Но именно я разгневал Богов своим поступком. Я дал обещание нести траур десять лет, сдержал его, и оказалось, что этого недостаточно. Когда моя сестра вернулась и я нашел себе новую жену, я поверил, что теперь все наладится и я смогу жить... как положено. Мой нерожденный ребенок погиб. Моя сестра убила Лилор, которая могла дать мне наследника. Лорд Мортон, вероятно, был прав – я не тот лорд, что достоин править. И я сам не желаю этого более. Покинуть Ферстленд – мое единственное желание. Если я смогу при этом послужить вам, Ваше Высочество, и Его Величеству Ауруну Старскаю, то не зря проживу жизнь. Быть может, все мои проступки, все, что были за мою жизнь, – может, все это вело меня именно к такому исходу? Быть может, это и есть мой истинный путь?

Клейс не смог убедить Бладсворда отступить от своей цели. Несколько дней он беседовал с правителем востока, но в этом не оказалось смысла. Регент переговорил и с бастардом Эуаном – мальчик был полной копией своего отца, он мечтал о путешествиях, о неизведанных землях, о морских сражениях и горел желанием увидеть чудищ из глубин. Ему это было простительно – он был еще ребенком, а Брейв... Бороться с упрямым еще дольше Клейс не желал.

Регент выделил пять кораблей с хорошо обученными моряками, воинов и лекарей и отпустил глупца. Быть может, слабовольный Брейв и в самом деле послужит куда лучше в качестве путешественника, а через сезон успокоится и вернется домой. Все, что мог, Форест для лорда сделал.

Прошло четыре цикла с тех пор, как лорд Бладсворд отправился изучать Новые Земли, а может, и открыть еще что-то. Возвращаться он пока не торопился, и Клейсу это не нравилось. Еще менее ему понравились новости про воюющие Династии.

Наследник Дарона Флейма пропал, никто не знал, где он, быть может, среди мертвых его не смогли узнать. Бладсворды присоединились к войне – отправились вместе с Глейгримами, но посреди сражения переметнулись к Флеймам. Они захватили в плен Хагсона Глейгрима, и лорд Мортон, судя по всему, продолжал присылать новым союзникам войска.

Проклятый Брейв предпочел сбежать, и теперь лорд-воин, что остался вместо него, лишь портил регенту и без того плачевную ситуацию!

Култ Первых, война, предательства, сбежавшие лорды, бунты, жалобы от крестьян на слишком большую дань и два Аурана, одного из которых скоро наступит пора короновать... Мало было Клейсу проблем, так еще и леди Шау Лоудбелл писала регенту через день письма странного содержания – после смерти ее мужа, болезни дочери и пропажи сына она, верно, лишилась ума. Леди утверждала, что ее сын жив, что она видела его и знает, что Велеса Лоудбелла пленили.

В похищении и истязаниях сына Шау обвиняла рыцаря из Серого Ордена, сира Саттона Настойчивого. Почему выбор бедной женщины пал именно на наставника Велеса, лорд Форест не ведал и, признаться, не горел желанием разбираться. Он и так делал все, что было в его силах.

Когда Велес пропал, регент отправил к леди Лоудбелл отряды Серых рыцарей, чтобы помочь найти мальчика. Он отправил ей несколько советников, лекарей и оказывал посильную помощь золотом и словом. Он отвечал на все ее письма, сочувствовал и обещал помочь. Клейс не любил бросать слова на ветер, и потому с сиром Саттоном и впрямь поговорили. Он вызвал к себе рыцаря, долго и аккуратно выводил обо всех его передвижениях.

Оказалось, что рыцарь не покидал Санфелла, и стража подтвердила его слова. Лишь один раз, когда Велес уже пропал, он вышел за стены внутреннего города и спустился вместе со своим приятелем в нижний. Саттон рассказал, что у них было три лошади, так как они везли с собой мешки и корзины с едой для семьи погибшего друга.

Клейс выяснил и у других рыцарей, где был обвиненный женщиной, а затем поговорил с семьей того самого умершего друга, и все подтвердили слова сира Саттона. Более причин подозревать его не осталось, и обо всем, что удалось выяснить, он незамедлительно написал главе Ветви Лоудбелл.

Но на этом убитая горем женщина не успокоилась. Уже второе письмо от нее гласило, что рыцарь все подстроил и именно он пленил Велеса, так как она лично это видела. Она не могла объяснить, каким образом, но говорила, что находилась в теле сына. Она слышала, как Саттона называли по имени и как он приходил к клетке, где сидел ее бедный пропавший ребенок. Отправлять правительницу рода на Остров, когда ее дочь больна и на семью свалилось множество бед, было бы бесчеловечно, однако и отвечать на очередное послание у Клейса не было никакого желания и сил.

Каждый новый день вновь и вновь проверял регента на прочность, и тот чувствовал, что вскоре может сломаться.

– Ваше Высочество.

Старый добрый друг, сир Тордж, явился к нему по первому зову. Рыцарь преклонил колено, и лорд Форест показал рукой, что тот может вставать.

– Мне нужна твоя помощь, Тордж. Я хочу, чтобы ты распорядился о нескольких очень важных вещах.

– Всенепременно, Ваше Высочество.

– Заканчивай с этими обращениями, я не в настроении. Во-первых, я хочу отозвать рыцарей у трех Династий – Флеймов, Бладсвордов и Глейгримов.

– Всех?

– Да. Думаю, без командующих они наконец начнут думать о прекращении войны, а не о своих глупостях. И засунут свое самомнение и желание самоутвердиться в... подальше. Во-вторых, я напишу бумаги, подпишу их, а ты отправишь глашатаев во все города, большие и малые, всюду, где есть лорды, леди, их дети и внуки. Глашатаи должны предупредить правителей и всех членов родов, от Династий до Малых Ветвей, что я запрещаю им присоединяться к войне или развязывать новую. Те, кто станет помогать Флеймам или Глейгримам, также лишатся всех своих рыцарей.

– Не слишком ли это жестоко, милорд?

– В самый раз. Я не намерен более терпеть. Бладсворды присоединились к войне, и если продолжится в таком же духе, то вскоре все лорды начнут идти друг на друга, позабыв обо всем. Последняя война, в которой участвовали все Династии, где каждый пытался перетянуть одеяло на себя, заключал союзы, а после нарушал обеты и давал новые, уничтожила треть населения Ферстленда.

Лишь только мы оправились, наладили все сферы деятельности и избавились от проблем с пропитанием, грянула новая война – с Дримленсами. Она была не столь разрушительна, всего две стороны, ее затянули долгие переговоры. Благодаря ей сгинула седьмая часть населения. Мы вновь вынуждены были оправляться. Теперь, когда все наладилось, – новая напасть! Я читал про те войны и не хочу повторения. Особенно я не хочу быть тем, кто должен будет после всего этого слушать мольбы и стенания простолюдинов.

– Все настолько серьезно? Думаете, эта потасовка может перерасти в войну всех лордов?

– Не знаю. Надеюсь, что нет. Но я уверен, что все это пойдет на руку нашим общим врагам – Культу Первых. Не хотелось бы облегчать им жизнь своими междоусобицами.

– Но вас терзает не только это? Вы стали больше пить. Милорд Клейс, я бы хотел предупредить вас – это не лучший вариант решения проблем. Расскажите мне, что еще гложет вас?

– Садись, сир Тордж. Этот разговор будет очень длинным.

Верд

За время, проведенное в плену, Верд познал совсем другую жизнь. Да и лишение свободы скорее заключалось в неспособности выходить за пределы замка и получать все, как он привык, по первому чиху.

Взаимоотношения у Глейгримов радикально отличались – лорд Флейм узнал, что Олира, которая первой явилась к нему и была крайне груба, на деле оставила своего мужа, чтобы помочь родственнику и быть рядом с ним в сложное время.

Ее сестра, Нотия, не покинула своих земель, однако наладила поставки провизии и даже порой отправляла оружие. У вассалов Дримленсов были не лучшие кузнецы, однако это помогало вооружить бойцов хоть чем-то. Тетка Раяла, леди Холдбист, наплевав на мнение своего мужа, отправляла лекарей и припасы. Откуда Эббиана могла взять на это деньги в обход Рогора Холдбиста, оставалось гадать. Раял высказал предположение Олиры – жена северного правителя продала свои украшения или расплатилась ими. Благородный правитель горевал, что женщина вынуждена избавляться ради него от своего приданого и подарков и собирался вернуть ей все, что та потратила.

Все Глейгримы действовали заодно, когда случалась беда, напоминая Форестов, и это пробуждало у Верда зависть.

Флеймы были куда менее дружными, если не сказать грубее. Дарон Флейм любил своих братьев и сестру, он обожал детей, но к более дальним родственникам относился с опаской, недолюбливал, а в отношении многих и вовсе считал, что их давно пора отправить подальше. Родня шестой ступени редко присутствовала на каких-то праздниках, а уж восьмую и далее не знали даже по именам. Отец Верда отличался довольно добрым нравом, он был первым из рода, кто за последние три сотни лет старался обеспечить ближайших родственников, переживал о них и помогал им.

Зейир, дядя Верда, являл собой пример типичного представителя их Династии – он был груб, зол, хотел получить все и сразу, он не чурался использовать для этого своих детей и братьев, и, пожалуй, единственными людьми, которых он на самом деле любил, были его наследник Ласс и отец, что умер уже много лет назад. Даже дочери не получали от отца достаточной любви и заботы, что уж говорить о племянниках?

Верд раньше относился к семье не лучше, чем Зейир, и теперь жалел об этом. Быть может, страх, что его станут пытать или избивать и унижать как врага, повлиял на лорда, может, это произошло из-за вынужденного отказа от привычного образа жизни, а может, беседы с Раялом и уйма свободного времени помогли ему начать думать о чем-то, кроме развлечений. Скорее всего, на сына лорда Флейма повлияло, пусть и в разной степени, все перечисленное.

Настолько, что он решил довериться врагу и рассказать свой секрет.

С самого детства, когда Верд боялся темноты, он познал, что способен управлять пламенем. Когда наследнику было пять, над ним смеялись и говорили, что у лорда богатое воображение; когда ему исполнилось двенадцать, его уже называли умалишенным и советовали Дарону отправить сына лечиться на Остров. В пятнадцать Верд понял, что все свои способности, чувства и мысли следует убирать куда подальше и никому никогда не показывать. В шестнадцать он нашел более простой способ не страдать от собственной уникальности, которую требовалось скрывать, – он начал развлекать себя, как только мог придумать. Верд делал все, чтобы не терзать себя размышлениями, ведь стоило ему выйти из себя, как любой источник огня поблизости становился причиной разрушений.

У дяди он научился, как именно следует плевать на окружающих и семью, у рыцарей – как должно нарушать обеты, у матери – что вес имеет лишь мнение мужчин-лордов, все

простолюдины – рабы и ничтожества, а женщины, будь они хоть королевами, живут лишь для того, чтобы служить Богам, мужу и своим детям.

Хорошо, что пересматривать свою жизнь ему пришлось в двадцать, а не позже, и ему достались самые тактичные, вежливые и любезные недруги, каких только выдывал свет. Убежденный матерью в своей безупречности и уникальности, силе, обаянии и непревзойденных воинских качествах, Верд испытал ужас, когда его ранили, и еще больший страх, когда он был вынужден бежать прочь из осаждаемого замка. Он, лучший в ориентировании на местности, заплутал и угодил в плен, но и на этом все не закончилось. Его мировосприятие менялось.

Теперь он был свободен. Раял заставил лорда Флейма посмотреть на жизнь иначе, а после, когда Верд перестал желать возвращаться домой и к привычному образу жизни, отпустил его. Собрат по несчастью, такой же одаренный враг, которого так же не понимали, рассчитывал на его помощь. И Флейм понял, что должен сделать – в первую очередь было необходимо остановить войну.

– Слыхали-то, наш лорд мертвецам спать мешает... – К подобным разговорам свита, что была выделена лордом Глейгримом для безопасного путешествия Верда до Файрфорта, возвращалась по десятку раз на день.

– Нельзя так. Боги не зря наказали предков евонных. Все лорды мрут быстро! – авторитетно заявил крупноносый воин с широким лицом.

– Проклятие это, да, не иначе. Не должен никто мертвых-то тревожить, – согласился худощавый человек с веснушчатым лицом.

– Слыхали, люд от лорда нашего побежал? – вклинился молодой юноша в разговор.

Верд повернул голову в сторону беседовавших, чтобы ничего не пропустить.

– Да, слышали! Говорят, многие побежали. К врагам нашенским.

– Деревень с десятков с места снялись, да все разом. И в городах люд боится лорда нашенского, бегут; сколько могут на себе таскать, то и несут.

– А ты сам-то чего не бежишь? Не страшно?

– Страшно. Но куда ж бежать, здесь дом мой, семья, дети растут, лорда любят, служить ему хотят... И не пугаются ж его проклятия, малые еще, не понимают ничего.

– А мне не страшно! – Отважный молодой боец горделиво выпрямился в седле. – Лорд наш хороший. И еду нам дает, и семья моя его жалует – ежели обкрадывают или припасов не хватает, он все решает. И мы-то не просто так тут ездим, нам-то платют, и хорошо. Дом свой рядом с отцовским построю да скотину куплю. Жenu найду – а чего ж мне с таким богатством-то не найти? Нет, я от лорда никуда не денуся, война кончится, так я главным богачом в деревне стану, лучшим. Самый завидный жених буду, не иначе!

– Если выживешь! – Мордастый засмеялся. – Видел я давеча, как ты мечом махаешь, – все ж враги от смеха полопаются.

– Это ты прав, Пач, – согласился мужчина с веснушками. – Мы ж не первый год же у лорда, уж всего навиделись. Это ты молодой еще, полгода назад меч понял каким концом держать и вообразил себе... Ох, не проживешь ты долго, дуралей, ежели учиться не будешь.

– Я не дуралей! – обиженно воскликнул юноша. – А вы трусы, раз от лорда бежать думаете! Подумаешь, мертвые ходят снова, они же не нас трогают, а врагов.

– Вот ведь болван-то! Не понимаешь ты, Зак, ничего. Недавно от мамкиной груди оторвался, вот и храбришься. Эт сейчас они нас не трогают, а враги кончатся али люд начнет недовольство свое высказывать, да сразу ж они нас хватят! И сожрут.

Худощавый и двое его более молчаливых приятелей, что только поддакивали, закивали. Они поддерживали своего товарища, но, как думалось Верду, боялись лишний раз высказать что-либо плохое про страшного потомка проклятого короля.

– Я взрослый! Мне уже шестнадцать, и я многое повидал. И в людях я разбираюсь – лорд наш хороший, не станет он мертвецами нас травить.

– А кто запретит-то ему?

– Зак, ты подумай, каково своих погребенных же ж видеть. Оплакали родители дитя свое, а лорд наш оп, и отец, что сражается, сынка своего снова видит. Да от такого поседает папаша да в обморок брык! А ежели души деток он потревожит? А дети-то были ж среди толпы той, совсем малые. Грех это. Боги забрали их к себе, и большого, и малого, и слабого, и сильного, а лорд нашенский против Богов идет. Не пожалеют его!

– Борется он, как может. – Зак обижено раздувал щеки, он был один против толпы. – Я рад, что лорд сильный. Он всех победит и нам за помощь благодарен будет!

Молодого воина еще долго пытались убедить, вещали о том, что он не понимает жизни, но Зак упорно стоял на своем. В итоге к нему присоединилось еще несколько таких же упрямцев.

Верд поразился – да, народ покидал лорда, но те, что провожали его, хоть и возмущались, боялись и ругали Раяла, не собирались уходить. А Зак и его сторонники проявляли невиданную верность. Интересно, найдется ли среди подданных отца Верда, простолюдинов, не приближенных к лорду, хоть один такой же преданный юноша?

Стоило лишь приблизиться к одному из захваченных Флеймами замков, как Верда и его отряд чуть было не расстреляли лучники со стен. Благо среди оставленных в крепости людей были и те, кто знал похищенного лорда в лицо. Теперь его дорога стала безопаснее, пища – лучше; наследнику Дарона выделили даже слуг, чтобы облегчить его быт.

Поначалу он радовался – лорд соскучился по помощи простолюдинов. Теперь его кормили, разве что не жевали за него, мыли, обстирывали; его снова окружали девы, что были совсем не прочь развлечь богатого и знатного человека. Были и те, кто противился, но боялся за свою жизнь и потому был готов подчиняться. Столько вина, сколько взяли с собой на путь до столицы, хватило бы на небольшой пир, и Верд мог ни в чем себе не отказывать. Два дня радости и чревоугодия подошли к концу, сменившись осознанием – это не то, что ему нужно.

Выделенный Раялом отряд отказался покидать лорда, пока тот не доберется до Файрфорта, и сын Дарона был им благодарен. Он аккуратно расспрашивал, как обстоят дела у Глейгримов, и мнение народа.

Когда лорд-наследник узнал, что в Чартауне сейчас собирает силы его брат Фейлн, Верд пожелал сделать крюк. Отклониться на пару дней пути не было чрезмерной тратой ценного времени, а навязчивая мысль о неправильных отношениях с семьей прочно засела в голове.

– Верд!

Младший брат никогда не показывал своих теплых чувств. Дети Дарона не умели проявлять подобные эмоции, как и мать, отец, дяди или кто-то другой из родни. Они редко обнимались при встрече, а сильных проявлений любви родителей к детям и друг другу они не видели вовсе.

Фейлн налетел на брата, крепко обнял и, кажется, чуть не разрыдался от радостной встречи. Верд охнул от удивления, но нашел в себе силы похлопать по плечу родственника и улыбнуться ему.

– Ты жив! У нас ходило много слухов, и все сходились в том, что ты давно мертв! Верд, я боялся, что никогда тебя не увижу... Как ты сбежал?

– Я не сбегал. Меня отпустили и дали в сопровождение людей, чтобы я безопасно добрался до дома.

– Тебя – что?

– Да, я понимаю, что тебе сложно в это поверить. Но Глейгримы не так плохи, как мы думали про них. Их нынешний правитель – хороший человек, люди его любят, он разумен и благороден.

– Это тот самый, что проклят Богами и повелевал мертвецами? И в чем же здесь благородство?

– Ты не знаешь того, что знаю я. Я имел удовольствие провести с ним несколько бесед и познакомиться с его семьей...

– Так вот оно в чем дело! Ты перекинулся на сторону врага! Но я не понимаю, почему ты это сделал – по своей воле или из-за магии проклятого лорда.

– Я твой брат и наследник нашего рода. Я не предал бы семью, но я могу понимать, что за человек передо мной. Кроме того, у меня есть информация, которую я должен срочно передать отцу. Наша вражда была подстроена – некто подставил нас, а затем Глейгримов, и не один раз. Этот некто сыграл на наших чувствах и развязал вражду. Я расскажу все отцу, он поймет, что пора заключать мир и искать настоящего виноватого.

Лицо Фейлна потемнело, он стал грустным, и только теперь старший брат понял, что с самого начала смущало его во внешнем виде младшего брата – синяки под глазами, заплаканное лицо и изможденный вид.

– Верд, ты долго был в плену и многое пропустил... Наш отец, брат, он... Наш отец мертв, в обеденном зале случился пожар, и отца не смогли спасти.

– Отец мертв?

Верд не знал, радоваться или горевать. С одной стороны, он всегда хотел стать правителем, а с другой – Дарон Флейм был одним из самых близких ему людей, и насколько бы не по душе были наследнику методы воспитания и поступки отца, он не мог избавиться от кома, что нарастал в горле.

– Когда это случилось? Почему не спасли? Отец проводил в зале много времени, и никогда ничего подобного не случалось. Как так?

– Кто-то говорит, что загорелись новые шторы, кто-то – что отец выпил лишнего и устроил пожар, а кто-то считает, что это дело рук Глейгримов. Весь зал загорелся, дядя Зейир тоже был там, он пытался спасти отца, но не вышло, он был в самом центре пламени и...

Поддавшись порыву, Верд обнял брата. Фейлн выглядел сейчас младше, словно горе отняло у него прожитые годы, превратив в ребенка. Младший брат был больше привязан к семье, особенно к сестре.

– Но почему ты тогда здесь? Если меня считали мертвецом, то место правителя должен был занять ты. Ты уже достаточно взрослый, чтобы наследовать трон, и тебе не нужен советник-регент и дозволение короля.

– Теперь нашими владениями управляет дядя Зейир. Люди не признали во мне правителя, он убедил всех, что справится куда лучше. Опытный мужчина во время войны нужнее молодого и неопытного второго сына. Мне нечего было ему ответить, и я решил продолжать то, что умею, – вести своих людей на смерть.

– Ты слишком самокритичен. И я не понимаю, с чего бы людям слушать Зейира. Он – лишь брат отца, он сможет унаследовать трон только после меня, тебя и Марлы, если кто-то пожелает взять ее в жены и продолжить нашу Династию. И да, где Марла?

– Я помог ей и спрятал в небольшой крепости, что подарил мне отец. Далеко. Она немного не в том состоянии, чтобы сидеть в Файрфорте. Я не сказал ей про отца, ей не стоит сейчас нервничать.

Сестренка умудрилась найти проблемы на свою голову и на головы братьев заодно. Сложно представить, что могло бы помочь им сейчас еще меньше.

– Она уже родила?

– Так ты все знаешь?

– Она писала мне письма, но я не мог помочь ей тогда. Я видел, в каких одеяниях она ходит, и ее самочувствие оставляло желать лучшего. Да и про их теплые взаимоотношения с тем стражником знал, пожалуй, весь Файрпорт и город.

– Ты несколько преувеличиваешь, но ты прав – мать тоже углядела, что с Марлой что-то не так, и мне пришлось срочно вывозить ее. Сестренка боялась, что мать сделает с ней ужасные вещи, а то и вовсе убьет. А ее ребенка и подавно.

– И она могла бы. Ты же знаешь – матушка наша переживет все, что бы мы с тобой ни делали, но не простит дочери и лишнего взгляда в неверном направлении. Ее подход к женской участи удивлял всех. Так что с Марлой?

– У них сын. Она прислала мне письмо с воребом и просила помочь спрятать ребенка и ее возлюбленного. Как я понял, она желает покинуть наши земли вместе с ними, боится, что война погубит их. Но мне кажется, что больше она боится матушки.

Как же много он пропустил! Признаться, что он проигнорировал просьбу сестры потому, что был занят созданием собственных бастардов, язык не повернулся. У Марлы теперь все было хорошо, пусть и без его помощи – Фейлн оказался лучшим братом.

Теперь им предстояло подумать о другой, более важной проблеме.

– Мы придумаем что-нибудь. Но пока, чтобы иметь все возможности, мы должны вернуть себе свои владения. Мы с тобой – дети Дарона Флейма, а значит, законные правители. Зейир занял наше место. Он – узурпатор!

– Мне тоже кажется, что он – не лучший претендент на трон Династии, но что поделать? Мы же не можем просто прийти и прогнать его. Люди признали его, они слушают его.

– Потому что он привел свое войско. Я уверен, что его не станут более слушать, когда узнают о моем возвращении, а нас с тобой народ обязан поддержать. Фейлн, мы – наследники Великой Династии. Наше место там, в Файрфорте, в нашем доме.

– Да. Да, ты прав. Верд, ты очень изменился.

– Благодарю.

Раял

Уже давно он привык к непониманию.

Поступки наследника рода осуждали и обсуждали, ему давали множество советов, ему указывали, как следует поступить и чего делать нельзя ни в коем случае. Его спокойствие, отрешенность и, как считали многие, вечная сонливость – не лучшее, что требовалось правителю Династии. Нежелание нестись сломя голову и убивать всех лордов Династии Флейм, их советников и приближенных, да и всех, кто поддерживает противостоящий род, считали слабостью.

Хагсону же ставили в вину его чрезмерную агрессивность и неумение думать наперед. Брата то обвиняли в развязывании войны, то осуждали за то, что он был недостаточно жесток с леди Дарией.

Недовольные были всегда. Повсюду встречались люди, твердившие: девиз рода – «Умереть, но не склониться», и необходимо ему следовать. Другие же осуждали семью Глейгримов – лорды, предпочитающие смерть вместо примирения, отвратительны и способны погубить свой народ.

Однако в этот раз Раял понимал, что вызвал всеобщее негодование. И на то были причины.

Никто не понял, почему их лорд-правитель покинул свою армию, уехал от эпицентра сражений и решил вернуться в главный родовой замок, тот, что располагался далеко от границ с Флеймами. Особо рьяные защитники считали, что Раял отправился созывать знамена. Иные – что молодой правитель трусил и побежал прятаться, а третьи клялись, что видели, как лорд отправился в другую сторону и наверняка решил искать союзников на севере или в землях Дримленсов. В одном все стороны сходились – сын Джура лишился ума после предательства.

Раял не желал прятаться в Этернитифелле, он боялся смерти не более чем прославленный рыцарь, избравший войну и турниры смыслом жизни. В его роду смерть пряталась за каждым углом, обитала в каждом камне и ходила по пятам за всеми представителями Династии. Несмотря на развитие лекарского искусства, род Раяла все еще занимал первое место по количеству мертворожденных детей и тех, кто не доживал до совершеннолетия. Даже Старскаи не могли обогнать их.

Кроме того, наследник Джура понимал, что титул, тем более правление, – не только блага и богатства, но также ответственность и опасность, что в любой момент может отыскаться хитрый и ловкий убийца, что Раял может стать объектом заговора и умереть от яда в собственном замке. А каждое путешествие, не говоря уже и про войны, могло закончиться самым наихудшим образом.

Лорд Глейгрим не думал собирать армию, вернее, не планировал привлекать воевать еще больше живых людей. В некотором смысле поражение и правда лишило его разума, он и сам понимал, что ведет себя не так, как подобает. Он понимал, что ему не следует полагаться лишь на свой дар и нет никакой уверенности, что его способности смогут вновь пробудить хотя бы стольких же бойцов, сколько и у стен Кеирнхелла.

Правитель земель осознал – он становится одержим своим даром. И не только потому, что это – единственный шанс на победу. Мертвецы могли не понадобиться.

Верд Флейм, с которым Глейгрим успел найти общий язык, скорее всего, сможет убедить отца. И даже если Дарон Флейм не пожелает сразу же отозвать войска, то стоит рассчитывать хотя бы на встречу и переговоры.

Кроме того, не следует забывать о скором присоединении вассалов, о помощи, что обещали оказать кузина Нотия и тетя леди Эббиана Холдбист. Если Дримленсы и северяне при-

шлют на помощь войска и оружие, лошадей и припасы, то и без мертвецов у Раяла будет шанс победить. И весьма хороший.

Лорд-правитель осознал это. Он принимал во внимание все факторы, давал себе отчет в последствиях, переубеждал себя. Он не желал покидать армию, понимал, что именно он должен вести свой народ за собой и отсутствием подрывает собственный авторитет. Долгие часы размышлений помогли принять правильное решение, но уже к утру вместо этого Раял отпустил Верда Флейма, собрал небольшой отряд сопровождающих и отправился домой. Все аргументы, что он разжевывал сам себе, были тщетны.

Всю дорогу он страдал от чувства вины и был еще печальнее, чем обычно. И каждую ночь, когда отряд останавливался и все отправлялись на боковую, лорд посвящал время тренировкам. У трактов, у постоянных дворов и даже в лесу он находил себе мертвых друзей. И чем ближе был Этернитифелл, тем чаще Раял думал, что земля Ферстленда состоит больше из мертвых тел, чем из земли.

– Раял. – Леди-мать встретила его с теплотой. – Я счастлива, что ты жив. Но разве ты не должен быть со своими людьми? Ох, Раял, ты приехал сообщить, что мы проиграли и нам пора готовиться к осаде?!

– Нет.

– Ты сбежал из страха, мерзавец? – Лорд отрицательно покачал головой, но мать не унималась: – Нет-нет, не бойся, даже если это так, мы найдем способ спастись. Ты не хуже меня знаешь все выходы из нашего дома, сынок!

– Мои люди справятся без меня. Командующие и советники опытни и мудры, Олира никому не даст спуска, а лорд Эттен не позволит ей действовать необдуманно.

– Я не понимаю, что привело тебя домой в разгар войны, если не... О Боги, Раял! Хагсон... Что с Хагсом? Мне донесли, что Кеирнхелл захвачен Флеймами и Хагс был там. Его взяли в плен, а теперь, раз ты здесь...

Матушке сделалось дурно, и правитель Династии придержал ее. Он помог добраться до скамьи и усадил на нее женщину. Леди не переставала причитать и всхлипывать, и вставить хоть слово было невозможно.

– Матушка, я не... Матушка. Матушка! Я не знаю, что случилось с Хагсоном. Последнее, что я знаю, – Флеймы увели его из Кеирнхелла, и он был жив на тот момент. Я же прибыл сюда для изучения писаний из книгохранилища, чтобы знать, как использовать свой дар.

– Дар? Что за дар? О чем ты говоришь?

– Я призываю мертвых, матушка.

Леди Глейgrim во второй раз была готова упасть. Хорошо, что она сидела.

– Что за глупость поселилась в твоём разуме? Раял, ты ведь всегда был умным мальчиком. Ты с малых лет перестал верить в эти смешные легенды и почему вдруг вновь вспомнил про рассказы, что вылетают изо рта невежд и завистников? Мертвые, поедание плоти, украшения из костей врагов – ты знаешь, что это ложь.

– Но я действительно умею. Именно поэтому мы смогли сбежать с поля боя, потеряв всего треть войска. Бладсворды предали нас, если бы не мой дар, я лишился бы всех людей. А после, скорее всего, был бы пленен Флеймами.

– Меня пугали истории, что рассказывали Джур и его тетка. Теперь ты. Раял, ты должен думать, как победить, а не верить, что случится чудо и мертвые придут на помощь. – Леди взяла за руку правителя рода. – Верно, ты утомился в пути. Тебе следует отдохнуть.

Доказывать что-либо матери не имело смысла – показать ей мертвеца сразу по прибытии означало напугать ее, повторять раз за разом, рассказывая о пробудившихся способностях, не прибегая к демонстрации, лорд посчитал пустой тратой драгоценного времени. Поэтому он лишь согласился – отдых ему и правда был необходим. Но даже в своих покоях, где все было привычно, где за дверьми стояла стража, а всю еду и напитки пробовали, прежде чем подать

лорду, он никак не мог успокоиться. Он думал о своем предке, о существовании или отсутствии Богов, и даже во снах тревога и размышления не оставляли его – Глейгрим видел мертвецов, видел погибших близких.

Тем не менее Раял смог выспаться и сразу же принялся за дело.

Легенды и сказки, древние заметки, что остались от далеких предков, и послания врагов, сохраненные как трофеи или случайно уцелевшие, хроники, истории о старых сражениях, о победах и поражениях, информация обо всех героях и лордах Династии, обо всех женщинах их рода, обо всех Ветвях и Малых Ветвях, что образовались на землях Глейгримов, – правитель читал все, что попадалось. Перерывы он делал лишь для того, чтобы попрактиковаться, поспать, перекусить и узнать, как обстоят дела за пределами Этернитифелла. И с каждым днем он все меньше писал писем и все реже читал ответы. Ему не хватало времени, и он сократил количество сна.

После новости о смерти лорда Дарона Флейма Раял и вовсе перестал разделять время сна и бодрствования – он ложился спать на час или два, лишь когда переставал понимать написанное или выматывался от общения с мертвецами.

Лорд Глейгрим нашел старые летописи, буквы на которых были блеклыми, а слова трудно разбираемыми. Но при помощи Главного писаря и Гроссмейстера он сумел разобрать написанное, и его радости не было предела – труды нескольких поколений его предков описывали дар и возможности, а также давали информацию о некоторых сражениях. Гроссмейстер сомневался, что цифры, да и большая часть написанного правда, так как столь большие войска даже теперь встречались, лишь если в конфликт вступал Его Величество.

Исходы битв, расстановка сил и прославленные герои были интересны Глейгриму, однако не столь сильно, чтобы отвлекаться на них. Куда больше его привлекли слова, напоминающие руководство по призыву мертвых. Эти письма стали для Раяла настоящим открытием, тем самым подспорьем, которого ему не хватало.

Всего через восемь дней в Этернитифелле среди живых начали слоняться и новые помощники лорда. Тот смог понять, как контролировать их действия, пока спит, и теперь не понимал, как обходился без слуг, что никогда не устают, не испытывают уныния, не ленивы и понимают именно так, как требуется.

Но не все были настроены к мертвым положительно.

– Что ты творишь?! – Леди Дейяра удивительно быстро сменила неверие на искреннее возмущение действиями старшего сына.

Наследник продолжил есть свой завтрак или ужин – он перестал следить за тем, как именно называется очередной прием пищи. Он часто забывал поесть и, по словам Эролхапа, советника Династии, рисковал ослабеть и стал выглядеть еще более уставшим и слабым. Раял принял к сведению слова мудреца, постарался изменить свое отношение и подкорректировать распорядок дня.

Восьмилетний мальчик с проломленной головой и отсутствующим глазом стоял рядом и переворачивал страницы, когда лорд кивал. Это позволяло совмещать два дела – одновременно изучать писания и следовать наставлениям Главного советника Этернитифелла.

Всю идиллию разрушила мать, ворвавшись, подобно фурии, в Малый зал.

– Раял! Я встретила нашего конюха, что мертв уже два сезона как! Народ негодует, Раял. Люди боятся тебя! Люди боятся правителя, и они скоро побегут к нашим врагам. И мы лишимся всего! Кто тогда будет на нашей стороне?

– Мои люди. – Раял кивнул, и мальчик перевернул страницу.

– Твои люди сейчас трясутся от страха. Они думают, в твое тело вселился дух Проклятого короля и... Я надеюсь, что они ошибаются. Ты ведешь себя недостойно. Отвратительно! Ты... Ох, Раял, я всегда знала, что Хагсон может натворить дел, но не могла и помыслить, что ты сумеешь переплюнуть брата.

– В чем проявляется недостойное поведение?

– Ты пугаешь людей!

– Людей всегда пугало то, к чему они не привыкли. Их пугает война, их напугает проигрыш и не меньше напугает победа. Они будут бояться нового правителя, моего наследника, и не меньше их напугал бы тот, кто сумел бы отнять наши земли. Любой новый указ страшит людей, долгая зима или холодное лето, ранний снег или затяжные дожди. Люди боятся всего, к чему не привыкли, всего, что выбивается из уклада, по которому жили их отцы и деды. Всего, что ново и не испытано поколениями. И народ, что служит нам, не уникален – любой лорд сталкивался с тем же, что бы он ни делал. Его Величество Фалин Добрый старался на благо народа, он издавал указы, что облегчали жизнь крестьян и ремесленников, торговцев и мореплавателей. И к чему это привело? Множество бунтов, пролитой крови невинных людей, тех, кто принял изменения и не боялся двигаться вперед. Я понимаю, что ожидает нас, и готов пожертвовать теми, кто покинет нас и переметнется к Флеймам, если такова цена защиты моих владений.

Дейяру Глейгрим слова сына не убедили.

– Ты безумен! Раял, мертвые ходят по замку и по городу. Они теперь стоят на страже у дверей твоих покоев, они стоят в карауле в башнях, они прислуживают лекарям и Гроссмейстеру. Ты отправляешь их в город за покупками. Мертвецов становится слишком много, и ты должен прекратить это сейчас же!

– Я не прекращу, матушка. Мои люди – шанс для нас всех. Надеюсь, со временем народ привыкнет к ним. И моя семья тоже.

– К такому невозможно привыкнуть!

– Что ж, очень жаль. Быть может, в таком случае нас постигнет судьба Первого Глейгрима.

– О чем ты?

– Матушка, вы должны помнить легенды о Первом из нашей Династии. Проклятом короле, чей покой охраняли мертвые.

– Все нормальные люди сбежали от него, и он лишился ума в одиночестве!

– Меня не пугает одиночество. Признаюсь, я бы не желал терять народ, еще более я не желаю терять мою семью, однако я верю, что этот дар – наследие Проклятого короля – спасет множество жизней и поможет восстановить наш быт по завершении войны. Если же люди боятся и решат сбежать, я не стану их неволить и убеждать повременить. Мои новые слуги не предадут и не устают. Они не способны продумать нападение, как командующие и рыцари, но того и не требуется. Все, кого они отправят в иной мир, присоединятся к их строю, и, таким образом, нам не придется видеть смерти наших близких. Нам более не потребуются жертвы для победы. Враги будут терять своих подданных, а мы своих – нет.

– Смерть Мекула повлияла на тебя, Раял? Ох, мой мальчик. – Леди обняла сына.

Лорд Глейгрим понял, что ни почитать, ни поесть, ни отдохнуть немного ему не позволят, лишь стоило леди Дейяре войти в Малый зал.

Наследник рода не стремился проявлять нежность, совершенно не планировал на тот день объятий и не думал переводить разговор на личные переживания.

– А ну встань, болван! Я же хочу тебя обнять и пожалеть.

– Мне бы не хотелось сейчас... Матушка! – Леди обняла наследника, как только тот поднялся. – Я не испытываю потребности в объятиях и тем более в жалости. Но мне приятно, что вы волнуетесь за меня.

– Не понимаю, и как ты находишь себе друзей при таком скверном поведении?

– Они сами меня находят, даже если я не прошу об этом.

– Мекул был твоим близким другом. Ты решился на это безумство из-за его смерти? Хочешь вернуть его? Я не могу понять, не могу принять, как подобное возможно. Я не верила

тебе, когда ты только заговорил об этом, но теперь, когда я увидела своими глазами, мне тоже стало страшно. Я боюсь, что твои мертвые набросятся на тебя, Хагса, когда он вернется домой, на меня или на Гартон или на ваше дитя. И наши люди, все, что живут здесь, и в городе, и за его пределами, все боятся этого еще более.

– Мертвые не станут нападать ни на кого по своему желанию. Я не достиг мастерства и не думаю, что когда-нибудь поравняюсь с Проклятым королем, чтобы возвращать не только тело, но и дух. Я возвращал Мекула, матушка, и пытался говорить с ним. Я понимаю, что многие переживают еще и потому, что вновь видят друзей или недругов, но стоит понять одно – они уже не те люди. Разумеется, я переживал из-за смерти Мекула. Он сделал все, чтобы спасти меня, он выполнил свой уговор и погиб, защищая меня. Я же не смог довести до конца мою часть договора, и теперь лордом Силверкнайфа станет племянник Мекула, а не его дети. Я понимаю, что это эгоистично, я признаю это, но меня посещали мысли, что если бы он оставил своим приемником сына или дочь, то я бы смог заботиться о ребенке и не чувствовал бы такой вины, которую ощущаю сейчас.

– Ты смог поговорить с ним после смерти? Что он сказал?

– Только то, что хотел услышать я. В них нет ничего своего, матушка. Они прекрасные слуги и воины, они отличные слушатели и помощники, но не заменят тех близких, что покинули нас. Я смог бы поднять отца, его тело, уже пострадавшее от падения и времени, может быть здесь, но это не принесет никому радости. Быть может, потому уж с давних пор и существует этот ритуал со сбрасыванием в Ущелье. Мертвым не выбраться из него без посторонней помощи.

Дейяра скучала по своему мужу, они прожили долгую и спокойную жизнь. Раял уже давно понял – страсти и любви, воспеваемой в балладах менестрелей, между его родителями не наблюдалось. Однако присутствовали дружба, уважение и теплота, и именно это он старался перенять для взаимоотношений с Гартон.

Леди-жена Глейгрима полностью соответствовала представлению лорда о достойной и понимающей спутнице, она не мешала ему заниматься своими делами и умела развлекаться без него. Раял не чувствовал себя некомфортно рядом с ней и порой даже скучал по обществу своей леди.

Мысли об отце перетекли в раздумья о жене, и правитель устыдился. За все время, что он был здесь, он не уделял Гартон должного внимания, а свою дочь видел всего дважды. Больше времени он уделял своей кузине Олире и кузену Эттену, увлекся мертвыми, жалел молочного брата и совсем не подумал, что его окружают живые люди, которые нуждаются в его поддержке и внимании.

– Я прошу вашего прощения, матушка. У меня есть дела, которые я посмел откладывать неприлично долго и потому вынужден распрощаться с вами.

Лорд обтер руки о салфетку, скорее по привычке, нежели из необходимости. Мальчик закрыл книгу и последовал за своим властелином.

– Опять сбегаешь от меня? Раял, я не хочу, чтобы ты общался лишь со своими безмолвными марионетками! Стой, я с тобой разговариваю!

– Я хотел бы осведомиться о самочувствии моей леди и увидеть нашу дочь.

Мать встала на его пути, хоть это и не требовалось. Бежать от матери, когда она просит стоять, предпочитал только Хагсон.

– Тогда иди. Конечно иди, Раял. Чего ты слушаешь меня, когда тебя ждет дочь? Дети – главное, ради чего следует жить.

В какой-то степени Раял придерживался такого же мнения – после себя необходимо оставить что-то, чтобы жизнь не оказалась напрасной. Лучше всего, если есть возможность оставить больше воспоминаний и войти в историю.

Женщины, как и положено им, считали, что лучший способ добиться этого – дети. Кроме отпрысков, леди редко интересовались чем-то еще. Да, балы, игра на инструментах, поэмы или вышивание – занятия помогали разнообразить быт, но не становились смыслом жизни. Никто не мог заменить женщинам сыновей и дочерей.

Мужчины же, хоть и склонны продолжать свой род, кроме потомства, желали еще и другим образом продемонстрировать свое величие и остаться в памяти. Они желали завоевывать, побеждать, прославляться, добиваться того, что неподвластно никому другому, или посоревноваться с кем-то и превзойти его. Лорды хотели входить в летописи как короли, регенты, правители, захватчики или освободители. Порой столь сильно, что на наследников не хватало времени.

И Раял не был исключением. Пусть он не желал завоевывать мир, но был уверен, что в первую очередь он должен думать о своем народе и защите. Здоровые жена и дочь не требовали его внимания – так он считал, однако понял теперь, что ошибался. В его обязанности входила и забота о своей семье. Если же он надеется прожить такую же счастливую и размеренную жизнь, как мать с отцом, то должен стараться.

Как бы правитель рода ни хотел вернуться к книгам и экспериментам, он повернул к покоям Гартон. И не зря.

Леди была счастлива и не скрывала этого. Более пяти часов, пока за окнами не стало темно, пара провела вместе.

Раял испытывал неприятный страх, когда рассказывал о своих приключениях и замыслах – он был готов услышать недовольство и осуждение от любого, мать уже огорчила его неприятием дара, и следовало ждать подобного от других. Это огорчало: каким бы сильным и уверенным в себе ни был человек, поддержка требовалась каждому.

Гартон же, вопреки ожиданиям, поддержала мужа, почти с такой же радостью, как и новый приятель Верд Флейм. Более того, после беседы с леди, что все время, пока правитель заседал среди книг или бродил по местам захоронений, находилась среди живых людей, принимала просителей вместе с Эролхапом и доказывала правоту мужа перед лицом народа, оказалось, что большая часть населения, вопреки домыслам Раяла, поддерживает лорда Глейгрима.

– Мой лорд, вы чрезмерно увлеклись своими открывшимися способностями. Настолько, что не замечаете ничего вокруг. Мертвые помогают вам, но никогда не заменят ваш народ, и вам следовало бы уделить внимание перебежчикам. В последние циклы объявляется все больше желающих переметнуться на сторону наших врагов.

– Они не приемлют моих способов защиты земель, моя леди, и я не могу осуждать их.

– Однако вы могли бы убедить их в необходимости данного решения. Люди с земель Флеймов же, наоборот, стремятся присоединиться к вам. Все в детстве увлекались легендами о Проклятом короле. И пусть его образ очернили в своих владениях Флеймы, рассказывая, как он уничтожал мир и употреблял в пищу плоть и кровь врагов, другие же помнят его как мученика и борца за свободу. Проклятого короля отождествляют с правителем, что является желанным не для лорда, но для крестьянина, мясника, писаря или лекаря. Портные и кожевники, торговцы и кузнецы, хмелевары и пекари – все, что бы ни говорили и как бы ни стремились разбогатеть, в первую очередь ценят безопасность и пропитание. Правитель, способный не выгонять с полей крестьян для защиты границ, что использует силы, не требующие пропитания и повышенных налогов для содержания, тот, кто не желает посылать на смерть живых и здоровых мужчин, – не является ли он тем идеалом, о котором мечтает народ?

Раял всегда считал, что слушать женские советы бывает полезно, но никогда ранее не интересовался мнением жены в важных вопросах. Гартон поддерживала его в любых начинаниях, была учтива и умна, а на праздниках и балах с легкостью переводила все нелюбимое мужем чрезмерное общение на себя.

Наследник Джура не сомневался во многих качествах спутницы, не принижал ее добродетели, и все же он не мог и помыслить, что леди готова продумывать с ним планы на будущее и разбираться во взаимоотношениях с людьми.

– Моя леди, меня не перестают удивлять ваши способности и ваш склад ума. – Гартон улыбнулась ему. – Однако я не считаю ныне уместным вести разговоры на подобные темы. Мне жаль, что я проводил с вами мало времени, и, быть может, нам следовало бы поговорить о нашей прекрасной дочери, ваших интересах и чем-то более привлекательном для вас?

– Я ваша леди, мой возлюбленный муж, вы верно заметили. Ваше самочувствие и репутация напрямую отражаются на моем спокойствии и судьбе нашей дочери и наших будущих детей. В данный момент, после предательства Бладсвордов, когда нас может уничтожить их союз с Флеймами, жизнь нашей семьи зависит и от мертвых, и от живых. Мне некогда думать о балах и нарядах, когда в любое время, в каждый из дней могут зазвонить колокола, возвещая о приближении противника. Каждый день я испытываю страх, получая послания, когда вы там, среди врагов. Каждый раз я боюсь, что мне сообщат о вашей гибели. Я не желаю оставаться в стороне в столь сложное время!

Вероятно, Раял недооценивал чувства своей спутницы.

Разговор прервался, так как Гартон бросилась в объятия Глейгрима и долго всхлипывала. Он, как и положено любому достойному мужчине, что ценит и уважает свою избранницу, не мог с легким сердцем переживать женские слезы и старался успокоить жену. Сложно сказать, помогли ли его слова и нежность или леди и так смогла бы взять себя в руки, но после они все же продолжили.

– Мой возлюбленный муж, советник Эролхап делился со мной наблюдениями. Он полагает, и я согласна с ним, что следует разослать гонцов к вассалам и во все города, большие и малые, в поселения, куда только возможно, чтобы глашатаи и старосты вещали народу о том, что вы желаете делать. Людям необходимо рассказать, что ваш дар, ваши действия, ваши стремления связаны лишь с желанием сотворить благо. Им следует напомнить о Проклятом короле и его жертвенности. Народ должен узнать, что вы приносите в жертву безопасности владений. Что вы делаете все лишь для народа, и да, ваше решение позволить несогласным покинуть земли глашатаи также должны объявить.

– Мне кажется, милая Гартон, это будет излишне.

– Ничуть! Сейчас не время для скромности и благородства. Люди склонны идти за правителем, что думает прежде всего об их благе, нежели о выгоде для себя. Прошу вас, переговорите с Эролхапом. Он прекрасный советник и понимает куда больше моего. Он служил еще вашему отцу и застал еще вашего деда. В его верности и мудрости нет причин сомневаться, не так ли?

– Вы правы. Что ж, верно, я и правда засиделся в четырех стенах и увлекся. Я совсем позабыл о том, что вокруг меня есть целый мир и меня окружают близкие люди. Но полно. Я желаю увидеть наконец свою дочь и не думать о войне.

– Скоро ее принесут, она у кормилицы. Мой возлюбленный муж, я долго думала, какое имя подошло бы ей. Пока вас не было, мне пришлось решать это самостоятельно, и я выбрала. Розиа.

Теперь пришло время Раяла испытывать чувства. Разумеется, он не плакал. На его лице, что вечно отображало одну и ту же гримасу равнодушия, теперь появилась улыбка. Вероятно, она была очень трогательной, так как Гартон вновь достала платок и принялась тереть им глаза. Правитель Глейгрим помешал ей – он крепко обнял жену.

– Судьба подарила мне лучшую из женщин.

Розиа, старшая сестра Раяла и Хагсона, уже много лет назад уехала из родного дома. Она покинула этот мир спустя два года после заключения союза с Кертом Вайткроу. Дочь Дейяры была прекрасным человеком, она трепетно любила свою семью и примиряла братьев. Урож-

денная леди Глейгрим мечтала отправиться в южные земли, она грезила ими и их лордами. Керту Вайткроу она подарила сына, здорового и жизнерадостного мальчика Грея – Раял трижды покидал свои земли, чтобы повидаться с племянником в первые годы его жизни. Грей также посещал Этернитифелл, однако здесь ему было страшно, и мучить ребенка Глейгрим не желал.

Лорд любил свою сестру, и Гартон вновь сумела угодить ему.

Все дела были отложены, и с того дня Раял, как бы ни был занят, выделял не менее часа на семью. Мать это положение дел устраивало – она перестала звать сына болваном, а леди Гартон, казалось, расцветала с каждой их новой встречей.

Рогор

Смерть наследника Династии не только пошатнула здоровье лорда Рогора, но и плохо сказалась на продвижении его рода ко власти. Вместе с сыном он потерял и невестку – на Фейг Форест, и особенно на ее семейство, что всегда бы помогало дочери, он возлагал большие надежды.

Его второй сын, Робсон, совершенно не подготовленный к роли будущего правителя, уже был женат. Его союз с Сиеной оказался удачным, леди вскоре должна была родить дочь или сына, и Робсон выглядел счастливым.

И второй раз отравить невестку и найти более подходящую партию не представлялось возможным – Утто Грейвул высказал свои подозрения, и подтверждать их было слишком опасным делом.

Оставался единственный вариант – найти достойного мужа для дочери. Риана была еще юна, но через два-три, может, четыре года достигнет зрелости, а значит, было самое время позаботиться об ее будущем. Изначально, с самого рождения, она предназначалась племяннику Дарона Флейма Лассу, однако из-за глупости Зейира мальчика забрали к себе вассалы Дримленсов – Слипингвиши, после мелкой междоусобицы.

Самым выгодным вариантом для Рианы Холдбист Рогору виделся молодой король Аурон Старской. А сейчас за него все решал регент Клейс Форест. Похищение леди Фейг лордом Вайткроу могло сыграть на руку северному лорду – чтобы наладить отношения с их родом, Форест, скорее всего, пойдет на заключение этого союза. Посылать кого-то вместо себя для решения этого крайне важного вопроса правитель рода считал неправильным и потому сам отправился в путь.

Известия, что Бладсворды прибыли на помощь Глейгримам, застигло его уже в дороге.

В Санфелле правителя севера встретили радушно и со всеми полагающимися почестями, юный король, как и предполагал этикет, ожидал его в Большом зале. Несмотря на боли в суставах и смертельную усталость от тряски в карете, лорд Холдбист лично проявил уважение Ауруну, встал на колени перед Его Величеством, хоть ему и пришлось воспользоваться помощью своих рыцарей, чтоб встать. Он привез дары и королю, и регенту, и его супруге, которая, судя по округлостям, ждала пополнения рода Форестов.

После соблюдения всех привычных церемоний, прекрасного ужина в честь знатного гостя и непринужденной беседы Клейс Форест подошел к нему и предложил свою компанию для утренней прогулки. Пусть регент и был куда моложе Рогора, но умом его природа не обделила.

Утром северянин боялся, что не сможет ходить и говорить одновременно – он с трудом встал с постели. Эликсиры, что дали ему лекари, спасли положение.

Клейс ждал его у ворот во внутренний двор и беседовал с миловидной служанкой в свободном платье, тем не менее можно было разглядеть ее положение, и Рогору подумалось, что не одному ему свойственен грех заводить бастардов и, что хуже, оставлять их при себе. Мысли о Рирзе испортили настроение не хуже боли.

– Милорд Холдбист. – Клейс кивнул служанке, и она, раскланявшись, поспешила в замок. – Как ваше самочувствие? Вы настроены на прогулку или предпочтете побеседовать за завтраком?

– Благодарю за участие, Ваше Высочество. Прошу простить меня, если я пренебрегаю этикетом, но я уже не в том возрасте... Если вы не возражаете и не станете спешить, я с удовольствием составлю вам компанию на прогулке.

– У вас красивая трость, милорд Холдбист.

Регент прислушался к Рогору, и прогулка в сторону озера заняла вчетверо больше времени, чем если бы Клейс шел в одиночку. Этот маршрут северянин уже знал.

– Подарок брата, Ваше Высочество.

– Да, я слышал, что лорд Ренрог вернулся. Как он нашел Новые Земли?

– Он считает, что они куда интереснее Ферстленда, и жаждет вернуться туда вновь, когда я перестану в нем нуждаться.

– Я слышал, на вас напали ваши же псы. Лекари выяснили, что это была за болезнь?

Шпионы были повсюду. Ранее советники короля редко интересовались делами лордов и не тратили время на то, чтобы выяснить, кто на кого напал и кто из младших братьев вернулся или покинул свои владения. Клейс Форест предпочитал совать свой нос всюду. С одной стороны, это несколько раздражало, с другой – его нельзя было не похвалить за подобное рвение.

Воспоминания об ужасном дне крепко засели в памяти правителя Династии. Он помнил, как зубы сомкнулись на его руке. Ничто не предвещало подобного исхода, однако псов словно прокляли Боги. Послушные ранее помощники на охоте, казалось, выбрали Рогора своей целью, его рыцари превосходно защищали своего лорда, однако, пока они отвлеклись на собак, кони ворвались в ряды сражающихся, и северный правитель, упавший после очередного покушения, получил серьезные травмы. Лекари уверяли, что его кости срастутся как положено и Рогор оправится, однако он прекрасно понимал, что даже небольшая прогулка на лошади теперь для него малодоступна.

– Все закончилось в один миг, как и началось. Лекари и Гроссмейстер долго изучали убитых зверей и тех, кого удалось загнать в хлев. Но они не обнаружили ничего. У нас уже случалось, что змеи заползали греться в стойла и распугивали лошадей. Быть может, и в этот раз их напугало змеиное гнездо?

– Змеи в столь холодное время? Милорд Холдбист, я не знаток северных змей, но предполагаю, что они размножаются в другое время года. А есть еще версии?

– Да. Также Гроссмейстеры из Цитадели предположили, что это крысы. Вероятно, псы наелись зараженных чем-то крыс, а лошадей грызуны искушали.

– Вполне логичное предположение. А как обстоят дела сейчас?

– Все как и должно быть. Животные ведут себя, словно ничего не происходило и ни одного нападения более не случилось.

– Я рад, что все обошлось. Если вы не возражаете, ваши лекари могли бы прислать в Цитадель и сюда, в Санфелл, свои наблюдения? Если это повторится, надо быть готовыми.

– О да, разумеется, Ваше Высочество, всенепременно.

– Благодарю вас. Милорд Холдбист, вам не требуется отдых?

Рогор прихрамывал, он и сам чувствовал это. Видно, со стороны он выглядел еще более жалко.

– Да, пожалуй. Не возражаете, если мы немного постоим?

– Разумеется.

Они замолчали. Правитель севера старался отдышаться и привести мысли в порядок. Клейс же о чем-то думал и смотрел вдаль, на озеро. До него осталось всего три сотни шагов. Несколько крытых беседок у берега предполагали наличие скамей, а значит, там можно будет посидеть и перевести дух.

– Мне значительно лучше. Пройдемте?

– Полагаю, милорд Холдбист, вам следует отдохнуть в беседке, прежде чем мы отправимся дальше. Вы сможете дойти? Быть может, обопретесь на меня?

– Вы очень великодушны, Ваше Высочество, но, думаю, я справлюсь самостоятельно.

– Ваше здоровье, как бы вы ни отрицали этого, не столь прекрасно, как ранее. Однако вы проделали долгий путь сюда, в Санфелл. Вы ведь решились на это не только чтобы преподнести дары, верно? Что подтолкнуло вас пересечь весь Ферстленд?

Наконец-то Клейс перешел к сути вопроса.

Форест отличался от своих братьев – он оказался куда более терпеливым, явно был разумнее и хитрее Райана, хоть и был младшим в семье, и держался с учтивостью короля. Жизнь в столице изменила его. В первую встречу с регентом, когда еще был жив Гийер Старской, Рогор запомнил юношу иначе, теперь же он походил скорее на Редгласса, нежели на представителя своего рода.

– Да, вы правы. Я прибыл не просто так... – Следовало придумать, как перейти непосредственно к самой проблеме, но неприятные ощущения отвлекали.

– И я, вероятно, знаю, что вас привело, милорд Холдбист. Все ваши отпрыски, кроме дочери, уже нашли себе спутников жизни. Леди Риана, насколько я помню, была обещана Лассу Флейму, верно?

– Вы удивляете меня своей осведомленностью.

– Приятно слышать. Но теперь, милорд Холдбист, сколь я могу помнить, Ласс Флейм обручен уже с другой. К этому привел неосмотрительный поступок лорда Зейира Флейма. Последние, кажется, лет восемь лорд Ласс Флейм находится у Утоса Слипингвиша. Лорд Утос решил убедиться, что теперь на его земли не будет покушений. Наследник лорда и его единственный сын – это достаточный аргумент, не так ли? А чтобы Ласс, пусть и формально, не считался заложником, его не стали венчать ни с одной из дочерей лорда Утоса, а дали ему право выбрать из трех прекрасных леди ту, что придется по душе. Насколько я помню, ему приглянулась леди Кейдс Слипингвиш – я слышал, что они много времени проводят вместе.

– Меня интересует, откуда вы знаете столько подробностей, Ваше Величество?

– Я весьма любознательный. Кроме того, я осведомлен, что свадьба должна состояться в конце следующего сезона.

– Настолько любознательны?

Клейс Форест засмеялся.

В этом смехе не было ни капли злости или ехидства – в этом регент походил на своего старшего брата, правителя Династии. Все Форесты умели удивительно красиво, заливисто смеяться и заражали настроением всех вокруг. Рогор невольно чуть улыбнулся.

– Я регент, милорд Холдбист. Его Величеству всегда известно все заранее, ведь все просят его разрешения и приглашают на празднество.

Правитель северных владений нахмурился. Он и правда стареет, раз не смог догадаться, откуда этому юнцу известна дата заключения союза.

– Не думал, что вы сумеете удивить меня. Я ошибался, Ваше Высочество.

– Да, я понимаю. Все думают, что мы с Райаном обязаны быть похожи, однако ж... Может быть, вы присядете?

– Да, пожалуй. Благодарю.

Молодой регент помог Рогору устроиться на скамье.

– ...Однако я провел большую часть сознательной жизни в разъездах и учебе, а после в Санфелле. Я скорее советник, нежели лорд. Жаль, никто не понимает этого.

Лорд Холдбист понимающе кивнул. У младшего Фореста и правда была удивительная судьба, его путь был не похож ни на один другой, сложный, опасный, и теперь на плечи лорда, который должен был стать вассалом своего брата, легла ответственность и за короля, и за весь Ферстленд.

– Но я увел нашу беседу совсем в другое русло, вам, верно, уже не терпится перейти к главному. Вы желаете заключить союз между вашей дочерью и моим подопечным Его Величеством Ауруном Старскаем?

– Я думал, как бы аккуратнее подтолкнуть вас к подобному разговору, Ваше Высочество. Приятно, что мне не требуется юлить.

– Вы не единственный, кто задумывался о женитьбе короля. С тех пор как нас покинул его отец... – Регент изменился в лице. Всем было известно, что Гийер Старской был для Клейса Фореста учителем, старшим братом и хорошим другом. Потеря короля более всего сказалась на будущем правителе Ферстленда и советнике.

– Он в лучшем мире, Ваше Высочество.

– Если только таковой существует. С тех пор мне постоянно приходят письма с предложениями. Я не стану скрывать – Зейир Флейм предлагает свою дочь. Многие Ветви и даже Малые Ветви надеются на что-то, хоть и знают – королевская семья находит для правителя жен лишь из Великих Династий, если таковые имеются, проверяют все степени родства с правителями древних родов и лишь в случае, если не находится достойных кандидатов, обращают свой взор на Ветви. За всю историю еще со времен Эпохи раздора, когда еще Старская предпочитали заключать союзы между собой, считая, что таким образом не потеряют сил, что достались им от Первых... Да и чего скрывать, так нередко поступали и другие, предпочитая, правда, родство несколько более дальнее, нежели родные брат и сестра или кузен с кузиной. И так, был лишь один случай, когда ни среди Династий, в том числе и самих Старскаев, ни среди Ветвей не нашлось ни единой леди и королю пришлось довольствоваться незаконнорожденной дочерью своего кузена.

– Да, я помню эту историю. Мне кажется, я слышал где-то балладу об этом событии. Но не уверен, что припомню хоть пару строк – давно это было.

– Да, я тоже не помню ни строки, каюсь, поэзия – не мое. Но вернемся к разговору о союзах. У меня также есть родня, что желает стать значимее. На что вы рассчитывали, когда ехали сюда?

– На то, что леди Риана – единственная дочь правителя Великой Династии, а не его брата, кузена или дяди.

– Что ж... – Клейс переплел пальцы и положил руки на стол. – Я ценю честность. Милорд Холдбист, я не могу вам ничего обещать, но вы правы – леди Риана пока лучший вариант.

На другой ответ правитель севера и не рассчитывал.

Регент дал слово, что сообщит Рогору об ответе. Раз Клейс не отверг предложение сразу же и, более того, не постеснялся назвать юную леди лучшим из предлагаемых вариантов, появился шанс, что все закончится хорошо.

Клейс проводил гостя обратно и прислал лекарей. Он позволил лорду Холдбисту погостить еще несколько дней и пригласил на мелкий рыцарский турнир. Более к теме брачного союза никто не возвращался, требовалось время обдумать. Зато у Холдбиста было достаточно возможностей, чтобы успеть переговорить с королем и увидеть его в различном свете – во время общения со слугами, проведения досуга, на турнире, во время разговоров с леди Гилар... Впечатление от короля осталось более чем прекрасное – за такого человека было ничуть не страшно выдавать единственную и любимую дочь.

Наступило время отправляться обратно, и северный лорд уселся в карету. Как бы он ни готовил себя к мучительным циклам, ни занимался самовнушением и ни употреблял сонные зелья королевских лекарей, чтобы спать в пути, дорога выматывала.

На территории Редглассов он уже предвкушал, как отправится в свои покои и сможет отлежаться. Он только просыпался после очередного зелья и ратовал за остановку на постоялом дворе или в Миррорхолле, где он смог бы привести себя в порядок.

Отряд остановился.

Рогор устало вздохнул. Уже трижды они останавливались из-за паломников, бродячих артистов, что, завидев гербы, решали подзаработать, и странствующих лекарей, которые также желали оказать услуги и получить за это плату.

– Что там снова? Гоните их вшаей! Мне нужна остановка, но не посреди же дороги.

Но в этот раз не звучало ни музыки, ни песен и никто не вещал о своих талантах. Спустя минуту лорд Холдбист услышал звуки сражения и крики. Он приоткрыл свою занавеску и заметил, что его кучер, пронзенный стрелами, мертв.

Мужчина подхватил свой клинок, осторожно приоткрыл дверь кареты и увидел перед собой около десятка человек.

– Милорд Рогор Холдбист?

– Вы понимаете, на кого подняли руку? Лорд Экрог Редгласс спустит с вас шкуру, когда узнает, что на его землях нападают на лордов! Да вы...

– Лорд Экрог Редгласс приказал доставить вас живым. Покиньте карету, или мы будем вынуждены вам помочь.

Цом

Никто никогда не обращал внимания на слуг, что находились рядом с лордами, советниками, рыцарями, Гроссмейстерами и другими важными людьми. Особенно регенты и короли не удостоивали взгляда простолюдинов, что меняли блюда, стелили постель, мыли полы, подливали вино и выносили ночные горшки.

В то время, пока решались сложные вопросы, пока говорили о делах королевства или заключали договоры, все опасались шпионов, но совсем не простого народа. Даже в тавернах – Цом успел узнать об этом от своих соседей, – если требовалось скрыть информацию, то чаще расправлялись лишь с хозяином двора, его родней, но почти никогда с прислугой.

Его Высочество регент Клейс Форест нередко предпочитал обсуждать свои вопросы в отдельном зале, куда не мог заявиться никто лишний – и охрана мешала, и стены, говорили, там были толстенные. Цом всего пару раз бывал в том помещении, про который другие лишь могли рассказывать истории, – приносил своему покровителю вино или папирус и чернила, при слуге все замолкали, а после, когда юноша покидал зал, наверняка продолжали беседу.

Но там проводились Советы или личные встречи с одним или парой человек, а все остальное время разговоры велись во время приема пищи, проведения празднеств, в покоях или на прогулках. И все это время рядом со знатными людьми присутствовали люди-невидимки, те, чьим присутствием пренебрегали.

Цом слышал много интересного и важного. Он не все понимал, но старался запомнить как можно больше, и порой его память помогала милорду Форесту – он напоминал ему про договоры.

А еще Цом многое видел. В том числе – что Его Высочество с каждым днем становился все более грустным и задумчивым. Это расстраивало юношу, он хотел бы помочь доброму лорду, но не представлял как.

Слуга не был хорош в арифметике, не вел счета дням, но по солнцу и погоде мог предположить, что прошло более двух сезонов, как он был принят на службу. Клейс Форест спас его от одиночества и голодной смерти – человека величественнее и доброжелательнее сложно было сыскать не только в Ферстленде, но и в тех диких и опасных землях, что теперь тревожили многие умы.

Люди с гербами в виде горящих перекрещенных факелов, зажатых в руках, напали на деревню Цома и на все соседние. Эти люди оказались ужасны, куда страшнее мелких групп разбойников, воинов лорда, что желали забрать свою долю, пусть и куда большую, чем должно, – они грабили крестьян, резали их скот и портили их зерно, они портили женщин и молодых незамужних дев, избивали, калечили и убивали юношей и мужчин. Они не жалели даже еще совсем юных, не достигших зрелости!

До прихода тех ужасных людей Цом считался первым красавцем на четыре ближайших поселения и храбрецом. За два года до этого, когда случился пожар и загорелось стойло, юноша один не испугался огня и бросился внутрь. Тогда он смог спасти всех лошадей, а одну, взбешенную от испуга, каким-то чудом поймал в поле и вернул домой.

Боги хранили его, и в память о том дне на коже остались лишь небольшие ожоги. Его соседи говорили, что глупый крестьянин мог умереть, а отец и вовсе отстегал хворостиной – после Цом и сам понял, что было опасно, но тогда... тогда он совсем не боялся.

Когда же пришли люди с гербами, он тоже встал против них, хоть отец и просил его подчиняться. Цом горько пожалел о своем решении – его отца убили, сестру забрали с собой, а его лицо и тело изрезали. Но и этого показалось налетчикам мало, и тогда они били храбреца, в том числе и по лицу, и успокоились, только когда выбили с треть зубов. Тогда крестьянский красавец думал, что его жизнь кончена. Вместе со старостой и соседями он отправился к королю,

чтобы пожаловаться. Он даже думал, что если король не станет слушать народ с других земель, то он выскажет все Его Величеству, а быть может, даже бросится на его рыцарей. И тогда он бы смог умереть, благородно защищая правое дело, и вынудить знать прислушаться – а что ему еще было делать?

Король не только выслушал своих подданных, а еще и возместил весь ущерб. Цома, мечтавшего в свое время отправиться на службу к лорду, чтобы не перепахивать землю и пожить вблизи красивого замка, Клейс Форест взял своим слугой.

О жестокости знатных людей, об их грубости и нелюбви к простому народу ходило множество слухов, и регент опроверг их все. Мечта Цома исполнилась, он получил даже больше – теперь он жил в самом замке, да еще и в столице королевства! А еще ему выделили небольшую комнатку, он делил ее с двумя другими слугами, но это было куда просторнее, чем его родной дом. И теплее.

Кроме того, Его Высочество заботился, чтобы его подданные получали достаточно еды и воды, достойно одевались, и даже платил им жалованье. Страх перед Форестом превратился в трепет, недоверие уступило место уважению, и Цом осознал, что за такого правителя с легкостью отдаст жизнь.

Регент часто, как и в этот день, принимал палача.

Кайрус, так звали мастера топора и веревки, пугал юношу, и тот произносил привычные каждому под защитой Богов слова-мольбы, прежде чем прикоснуться к тарелке или кубку карающей длани короля. Принимать что-то из его рук было плохим знаком и могло привести к смертям и болезням, а те, кто трогал вещи палачей и вовсе могли навлечь проклятие на всю семью или даже поселение.

После ухода Кайруса Клейс остался сидеть за столом и приказал принести еще кувшин. Через час он потребовал следующий, хоть Цом видел, что лорд больше проливает мимо рта и с грохотом ставит чашу на стол.

– Мьелорд! – Крестьянина учили, как правильно обращаться. Получалось не всегда достаточно хорошо, он очень старался запомнить все вежливые формы обращения, избавиться от своих привычных словечек и использовать положенные правилами. Проживающий с Цомом в одной комнате пожилой мужчина, Титл, был уже пятым из своего рода, кто прислуживал Его Величеству. Старик безумно гордился этим и поучал молодых, как следует вести себя. Он же работал над пополнением словарного запаса Цома, советовал, как следует двигаться и подавать блюда и кубки и с кем из подданных лучше не конфликтовать.

У юноши все не очень-то ладилось, память у него была хорошая, но чаще он думал о прачках или кухонных девках и не слушал, что говорит опытный Титл. Если же у Цома не выходило с разговором, он жаловался, что не привык к выбитым зубам, и шепелявил пуще прежнего. Крестьянин называл своим достижением способность, спустя столько циклов, есть нормальную еду.

Впрочем, Титла эти отговорки не устраивали.

Старик говорил, что если человек желает, то сколько бы преград на пути ни стояло, он будет искать способ сделать как должно, а тот, кто не хочет, сколь бы ровным ни был путь, споткнется о песчинку и остановится.

– Может быть, проводить вас?

– Куда?

– В покои ваши, мьелорд.

– И что мне там делать? Нет, я лучше еще выпью и посижу здесь. Мне нужно подумать.

– Мьелорд, я могу помочь?

– Ты-то?

Цом закивал и отодвинул кувшин с вином подальше.

В последние циклы милорд Клейс Форест начал чаще пить, а порой и вовсе сидел с кубком, смотрел в окно или на стену и шевелил губами. Он рассуждал таким образом, как мог понять юноша.

– Цом, ты хороший слуга. Я рад, что ты согласился остаться в замке, но, как бы хорош ты ни был в своем деле, мне ты помочь не сможешь. Мне нужен совсем другой помощник...

– Какой, мьелорд?

– Тот, кто сумеет разузнать для меня нужную информацию. Мне нужен шпион, которому я всецело могу доверять. И тот, кто сумеет проследить и пробраться в стан врага, не вызвав подозрения ни у кого из моих противников. И зачем ты убрал кувшин? Ты решил, что твоему лорду хватит пить?

Цом в очередной раз кивнул. Перечить Его Высочеству и забирать что-то у него слугам не дозволено, но ведь это ради блага.

– Да, храбрецом тебя звали не зря. – Цом опустил взгляд, но сжал кувшин. Быть может, он опрокинет его, и тогда добрый и благородный милорд остановится? Но регент продолжил: – Но ты прав – мне и правда хватит. Надо добраться до кровати, утром проблем не убавится, а с больной головой решать их будет сложнее, верно?

Цом был рад, что Его Высочество послушал его.

– Верно, мьелорд.

– Ты сам-то пробовал вино?

– Нет, мьелорд. Отец не разрешал мне.

– Мудрый у тебя был отец, Цом. Но теперь ты взрослый, и я разрешаю – можешь взять себе кувшин, только не пей все разом. О да, а сколько тебе?

– Благодарю, мьелорд, вы очень добры! Шестнадцать, мьелорд.

– Заладил – милорд да милорд. – Клейс встал, облокотился о стол и чуть не сел обратно. – Цом, проводи меня. Я опасаюсь, что могу не поладить с лестницей, а она куда крепче меня.

Крестьянин помог своему правителю встать, почти что взвалил на себя регента и повел того отсыпаться.

– А такого человека у вас нет, мьелорд?

– Какого?

– Вы говорили... Того, чтобы и доверять, и шпионил, и к врагам...

– А, это... Нет. Те, кто способен повернуть все, не заслуживают доверия, а те, кто заслуживает, не попадут к врагам и ничего не смогут сделать.

– А к каким врагам надо попасть?

– Ты очень любопытный, Цом.

– Я хочу помочь вам, мьелорд! Аккуратнее, мьелорд, лестница.

– Ступени... И почему нельзя построить замок в один этаж, чтобы не пришлось вечно подниматься по этим проклятым лестницам?!

– Но как тогда будут высматривать врагов стражники наверху?

– Вот им бы и построили лестницы. Бегали бы эти стражники по ним вверх-вниз, вверх-вниз, сколько влезет. Да, я помню, что ты спрашивал. Мне необходимо, чтобы один из моих людей проник в одну группу нехороших людей. Лучше всего, если он узнает, где прячутся вожаки и большая часть этой своры. А еще лучше – где они все прячутся.

Слуга горестно вздохнул.

Он был бы рад помочь, но его не обучали, как прятаться и как следить. Пока он волочил регента по ступеням, тот продолжал размышлять:

– Но устроить слежку – не единственный вариант. Может быть, было бы неплохо отправить к врагам своего человека, доверенное лицо, что прикинулось бы их единомышленником. Да, такой человек смог бы узнать все, что мне необходимо. И он бы смог узнать, где прячутся все они, узнать об их планах, выявить их вожаков и... Это прекрасная идея! Но на такую роль

не подойдет ни лорд, ни рыцарь, ни даже стражник – всех их давно знают в лицо, они не вызовут доверия, как раз наоборот. Мне нужен кто-то другой, кто-то вроде... вроде тебя!

– Меня, мьелорд? Я только слуга, но... но я хочу вам помочь, мьелорд! Вы много сделали для моей семьи, для моих соседей, а для меня... Вы спасли меня! Я с радостью сделаю все, что смогу!

– Если бы я тебя спас, то все твои зубы были бы на месте. Цом, я мало кому в Санфелле могу доверять, особенно теперь, но ты мое доверие заслужил. То, что я могу тебе предложить, опаснее, чем носить мне вино и менять блюда. Мы имеем дело с Культom Первых. Ты знаешь, кто это?

– Отец рассказывал мне, мьелорд, это плохие люди. Все равно, мьелорд, я готов!

– Это будет сложно... Зато одной проблемой станет меньше! Как же я рад, что ты остался здесь!

– Мьелорд, аккуратнее! Лестница же!

Рирз

Рирза не покидали мысли о невозможности событий. Все сложилось самым непостижимым образом, столь удачно, что похитить леди Фейг не составило большого труда. Пока шли приготовления к свадьбе и после, пока гости прибывали во Фридомхелл, пришлось отложить подготовку к сражению с Холдбистами. У бастарда появилось много времени, чтобы поразмыслить и поискать подтверждения своей теории.

Бастард рассказал легенду о Первом из Вайткроу своему другу, однако Вихт не принял ее близко к сердцу. Лорд не верил в легенды, да и сам Рирз ранее скорее отправил бы себя на Остров Фейт, где находилось Пристанище для душевнобольных, нежели решил бы поверить написанное.

Но слова Вайткроу о том, как сын Рогора расправился с врагами, раздуваясь, превращаясь в чудовище с когтями и звериными чертами, встреча с водоземами, а после и удивительная встреча с Ротром на турнире – все это не позволяло более воспринимать легенды как сказки. И Рирз, что не мог найти покоя, предложил проверить.

Для этого необходимо было придумать что-то такое, что почти невозможно. Что-то, где никто не пострадает, ведь Вихт откажется писать поэму про смерть простолюдина, не то что про лорда.

– У тебя есть идеи, Рирз?

Все вернулось в почти привычное и полюбившееся сыну Рогора русло.

Разве что теперь Фейг занимала Вихта и у него оставалось меньше времени на подготовку к войне. Впрочем, бастарда это устраивало – он привык спать до обеда, а то и до самого вечера, а Фейг предпочитала вставать с рассветом. Немного было жаль лорда Вайткроу, который старался подстроиться сразу под оба режима и выглядел уставшим днями напролет.

– Да. У меня есть идея отправить тебя спать.

– Нет-нет, я совсем не хочу спать, я в порядке. Рассказывай, друг.

Рирз махнул рукой. В конце концов, правитель владений на юге уже достаточно взрослый, чтобы знать, как поступать.

– Нам нужно то, что не может случиться и будет безобидной шуткой. Первое, что мне приходит в голову, – слуги. Отправить их куда-то или, может, что-то с ними сделать?.. – Будущий лорд постукал пальцами по столу. – Я понял! Пусть кто-то из них придет в этот зал и станцует!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.